

Анарисса Ли

18+

ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Амарисса Ли

Влюбленная в дьявола

«Автор»

2025

Ли А.

Влюбленная в дьявола / А. Ли — «Автор», 2025

Фанни Вилланелле влюблена в лучшего друга своего старшего брата уже восемь лет. Делани «Дарк» Россетти — плохой мальчик, байкер, своенравный, эгоистичный и мегасексуальный. Он любит внимание девушек и не скупится обольстить их в ответ, но упорно игнорирует существование Фанни, которая всеми силами пытается заставить его обратить на себя внимание. Он любит называть ее младшей сестрой и говорить, что между ними не может быть никаких отношений, кроме братски-сестринских. Но после одного Рождества, проведенного вместе, все меняется. Сможет ли Делани увидеть в Фанни женщину, чтобы полюбить всем своим черствым сердцем? И не будет ли слишком поздно для этого?

© Ли А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	53
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Амарисса Ли

Влюбленная в дьявола

Пролог

ФАННИ

Дэнвелл, штат Вашингтон
Чуть больше трех лет назад

– Фанни, принеси салат из холодильника, – велит мама, и я тут же встаю со своего места и отправляюсь на кухню.

Сегодня вечер семейного ужина, и в нашей гостиной за длинным прямоугольным столом сидит дюжина байкеров, уминающих сочное мясо с запеченным картофелем и попивающих любимое пиво.

Взяв полную салатницу из холодильника, я возвращаюсь в гостиную, где не утихают разговоры о делах. Мой отец, Президент Мотоклуба «Сыны Дьявола», сидит во главе стола с сигаретой в руке, разговаривая со своим вице-президентом Марио. Наверное, дает ему указания на ближайшие несколько дней, пока будет в отъезде. За этим столом собираются только приближенные, входящие в узкий круг управления Мотоклуба.

Поставив салат на пустое место на столе, я возвращаюсь к своему стулу. Будучи дочерью Президента, все обращаются со мной, как с принцессой. Я единственная дочь жестокого Лучано «Вилли» Вилланелле, и со мной лучше не шутить, не разговаривать и даже лишний раз не смотреть в мою сторону, потому что это может закончиться очень плохо. Наверное, поэтому в свои семнадцать я никому не обещаю. Однажды папа обмолвился о том, что мог бы меня выдать за того, кто будет этого достоин, и я ждала, когда тем самым станет Делани Россетти, сидящий рядом с моим старшим братом Терренсом.

Делани «Дарк» Россетти – моя маленькая слабость, о которой я молчу вот уже долгие пять лет. Мама говорит, что моя детская влюбленность пройдет, и я смогу выбрать того, кто будет мной очарован не потому, что я дочь Президента, а потому, что я ему нравлюсь сама я. Она говорит, что Делани слишком взрослый и разгульный для меня.

Он старше меня почти на восемь лет. Ему двадцать пять исполнится через два месяца, и я смогу поздравить его только по смс-ке или по звонку.

Чтобы хоть как-то справиться со своими неугасающими чувствами, я записалась в колледж в Сиэтле. Срок обучения почти три года, и я надеюсь, что за это время смогу разлюбить Делани.

Это был нелегкий поступок, и я с горем пополам смогла уговорить отца отправить меня туда. Он согласился, потому что я единственная дочь, и он заведомо в проигрыше, когда пытается спорить со мной.

Конечно, я не сказала ему правду о том, почему поступила в Сиэтл. Мне было неважно, на кого учиться, мне было важно сбежать.

– Просто не могу поверить в то, что Фанни уезжает, – бормочет папа, и я в изумлении смотрю на него, забывая, что пережевывала мясо.

За столом повисает тяжелая тишина, и я быстро смотрю на всех с вежливой улыбкой. Сердце пропускает удар, когда перехватываю взгляд Делани. Он смотрит на меня в полном замешательстве.

– Это всего лишь учеба, – бубню себе под нос, опуская взгляд в тарелку.

– Учеба? – тупо переспрашивает Тайм. – Почему ты не пошла учиться здесь, в Дэнвелле?

– Потому что здесь дыра, – пожимаю плечами. – Отучусь на юриста, а потом посмотрю, что будет дальше. Хотелось бы заняться чем-то полезным.

– Фанни, это реально круто! – говорит Марио, вице-президент клуба.

Марио высокий, но полноватый, с длинными волосами, убранными в хвост, и густой бородой. Он слишком умный и деликатный, не подходящий для жестокого байкера. Я люблю Марио, потому что он для меня, как второй отец. И его байкерское имя оправдывает его, потому что он выглядит, как Марио.

– Энни, кажется, собирается сделать нечто подобное, и у меня не хватит сил отпустить ее. Развернется гребаный ад, если она задумает уехать из Дэнвелла.

Я слабо улыбаюсь.

– Лучшее, что можно сделать для своего ребенка, – это позволить ему быть тем, кем он хочет.

Марио кивает головой.

– Конечно, черт подери, да! Но Энни подумывает о модельной карьере, что, конечно, мне не нравится.

Энни тринадцать, и за прошедшее лето она неплохо выросла, что сделало ее одной из высоких девочек в классе. Она пошла в своего отца ростом, но фигурой в мать, так что ей есть, чем гордиться. У нее есть все данные, чтобы попробовать себя в моделинге, но Марио не позволит ей этого сделать.

Хор поздравлений и напутственных слов заставляет меня быть более любезной и вежливой, чем когда-либо. Я не увижу этих людей до Рождества. Я не собираюсь приезжать в Дэнвелл на День благодарения, хотя очень бы этого хотелось.

После того, как мама начинает убирать со стола, а некоторые Сыны ушли на террасу, чтобы поговорить о делах, перекурить и выпить еще по пиву, я возвращаюсь в комнату. Мама сказала, что справится сама, поэтому отправила меня проверить, все ли я собрала вещи.

Дорога предстояла не очень долгая, но по меркам папы и мамы – очень долгая, разделяющая семью.

Зайдя в комнату, я вздохнула. За столом Делани не сказал ни слова, пока все выражали свои эмоции касательно моего отъезда. Его карие глаза, обрамленные идеальными черными ресницами, сверлили меня так, словно пытались пробраться внутрь и понять: серьезно ли я приняла такое решение?

Оставить клуб – это предательство, но я была лишь маленькой частью всего этого. Меня не посвящали в дела, не позволялось приходить на вечеринки и, боже упаси, не разрешалось находиться в штаб-квартире, потому что это бар, где всегда царит хаос. Я не считаю, что поступаю плохо.

Смотрю на свои чемоданы, и мне становится грустно. Я оставляю здесь все, чтобы... стать нормальной, «вылеченной» от неразделенной любви.

В глазах щиплет, и я шмыгаю носом, не замечая чьего-то появления, пока не раздается стук в дверь.

Ладонью смахиваю слезы.

– Да-да?

– Фанни.

Этот голос... Родной, трепетный, пронизанный хрипотцой и басом заставляет волосы на теле встать дыбом. Я резко оборачиваюсь и вижу Делани, стоявшего в дверях моей спальни.

Он лучший друг Терренса, а по совместительству и мой друг, но это... Это, знаете, вроде как братско-сестринские отношения, и он не рассматривает меня как девушку. *Как собственную старуху.* Хотя я была бы не прочь ей стать. Я же любила его вот уже пять лет.

Его карие глаза смотрят на меня оценивающе, потом он выглядывает в коридор, проверяя, нет ли там никого, затем заходит в комнату и прикрывает дверь, делая обстановку приватной. Мне это нравится.

Дыхание и сердцебиение становятся быстрее, и я не знаю, куда деть свои руки, поэтому убираю их за спину и скрепляю пальцы, чтобы скрыть волнение.

Я сбита с толку. Что происходит?

Делани делает несколько быстрых шагов ко мне. Его лицо светится радостью, и я готова провалиться сквозь гребаную землю, чтобы видеть это выражение лица ежедневно. Он просто невероятно великолепен.

Он идеал красоты.

Он высокий. Очень, поэтому мне приходится задрать голову, когда он подходит ближе.

От него приятно пахнет. Я делаю глубокий вдох, и его запах проникает в мою кровь, всасывается и растворяется. Чувствую себя больной маньячкой, но я просто сумасшедшая влюбленная.

– Я узнал о том, что ты уезжаешь еще вчера вечером, поэтому у меня было время, чтобы кое-что принести тебе, принцесса, – тихо и быстро говорит он, доставая из кармана бархатный мешочек.

В глазах стоят слезы, и я не могу понять из-за чего. То ли от того, что он действительно принес что-то для меня, то ли от того, что я уже начинаю сомневаться в здравости своего решения касательно колледжа в Сиэтле.

– Что это? – мой голос дрожит.

Я вспыхиваю, когда Делани дразнит своей раскосой улыбкой.

– Я знаю, что ты всегда хотела его.

О. Гребанный. Ад. Не. Может. Быть.

Мои губы приоткрываются и начинают дрожать, когда Делани достает из мешочка кулон в виде капли на толстой цепочке.

Это не просто капля. Это изумруд, вокруг которого собрались маленькие кристаллы.

– Ты... Это ужасно дорого стоит, Дарк, – шепчу в неверии, но пальцы начинают чесаться от желания потрогать.

– Ничего не жалко для тебя, принцесса.

– Это правда для меня? – поднимаю на него замыленный взгляд.

– Да, повернись.

Меня бьет током, и я подчиняюсь его стальному голосу. Приподнимаю волосы, а через секунду на груди оказывается прохладный металл. Я вздрагиваю, когда чувствую, как горячие грубые пальцы касаются моей нежной кожи.

Я бы отдала все, что угодно, чтобы его руки касались меня абсолютно во всех местах на моем теле.

– Готово.

Опускаю волосы, моя ладонь падает на кулон, и с глаз скатываются слезы. Делани продолжает стоять за моей спиной. Я чувствую его. Ощущаю каждой клеточкой своего тела.

Его тяжелые руки ложатся на мои плечи. Он наклоняется, его рот оказывается вблизи моего уха:

– Хочу, чтобы ты помнила обо мне, пока будешь учиться в Сиэтле.

Я прикрываю глаза, рвано выдыхая.

– Я собираюсь забыть о тебе, – признаюсь.

Он усмехается, и его горячее дыхание щекой касается ушной раковины. Склоняю голову в надежде, что его губы или нос заденут меня, но этого не происходит. Момент такой интимный, *запретный*, что меня всю сводит от желания.

Я вдруг отчетливо осознаю, что между ног горячо и влажно. Пульсирует. Как иногда в одинокие ночи, в которые я мастурбирую, заканчивая с Его именем на губах.

– Делани... – в моем голосе мука, и она не проходит мимо него.

Он крепко сжимает мои плечи, дергает назад, и я влетаю спиной в его мощную грудь. Он прижимается ко мне всем телом.

– Сбегая от меня, ты не сможешь сбежать от своих чувств. Не делай из меня тупого придурка, Фанни. Я знаю, что ты влюблена в меня. Я знаю, что ты специально уезжаешь. Я знаю, *что* ты собираешься там сделать, чтобы забыть меня, но тебе это не удастся. Я в твоей голове и в твоём сердце, детка.

Я всхлипываю. Странно было бы скрывать свои чувства от него, но, вероятно, все мои тщетные попытки были не очень-то и хорошими, раз он знает о моих чувствах.

– Я полюблю другого, кто не будет связан с клубом. Мне будет хорошо в Сиэтле, – мой голос дрожит, говоря этот бред.

Делани усмехается, губы касаются уха, и я рвано выдыхаю. Это слишком приятно.

– Я буду только рад, если ты забудешь о своей любви ко мне, потому что я не тот, кто тебе нужен, детка. Тебе нужен хороший мальчик, принц, достойный тебя, рыцарь в сияющих доспехах, но точно не я.

Ты ошибаешься. Ты, гребанный черт, ошибаешься. Хочу кричать я, но понимаю, что бесполезно. Он прав. Делани... Игрок. Бабник. Бесчувственный. Эгоист.

– Ты прав, – шепчу, не рискуя поворачиваться. Я сильнее откидываюсь на него, затылок упирается в его грудь, и он склоняется сильнее.

Его губы мажут по шее.

– Я всегда прав, принцесса. Забудь обо мне. Выкинь из головы свои дерьмовые мысли о счастливом конце. Такого не будет. Я ублюдок, и ты знаешь об этом.

Его руки, губы и присутствие исчезают из моей жизни так быстро и резко, что я теряюсь в пространстве, отшатываюсь и оглядываюсь, но комната пуста, а дверь в комнату открыта нараспашку.

Я позволяю истерике взять надо мной верх.

Я вовсе не ожидала того, что произойдет. Это выбило землю из-под ног, выбило воздух из легких, выбило жизнь из меня. Выбило все, потому что сейчас я осталась ни с чем.

Глава 1

ДЕЛАНИ

Год и два месяца спустя

– О, блядь, ты шутишь? – шипит Тир на сладкую попку, когда она попыталась расстегнуть его ширинку перед застольем в баре.

В этом году Бренда решила расширить масштабы праздника, посчитав, что некоторых, кто особо отличился в последнее время, то есть определенный круг проспектов, можно пригласить к семейному столу. Вилли не был против, так что на голосовании все отозвались положительно. И несколько также байкерских шлюх пришли, чтобы разбавить наше одиночество перед тем, как все самое интересное начнется.

– Отвали, – отрезает Тир и застегивает ширинку. – Иди развлекай моего младшего брата, сука.

Тир пренебрежительно машет рукой, и шлюха, встав с колен, удалилась с мягкой улыбкой.

– Фанни должна приехать, – говорит Тир, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть, как его лицо перекашивается. – В прошлом году она не приехала на День Благодарения, и я еле уговорил ее приехать. Кажется, принцессе нравится жить в Сиэтле.

Делаю глоток пива, чтобы не сказать что-нибудь лишнее. Например, что последний год я был на волоске от того, чтобы приехать к ней в Сиэтл и спросить, как у нее дела.

Фанни была наркотиком, от которого я не хотел отрываться, но ради ее же блага я думал разумно. Старался поступать здраво и рационально. Ее влюбленные изумрудные глаза, смотрящие на меня с теплой нежностью, не покидали моих снов ни разу за последний год, и я, черт, ненавижу это.

Каждый сон был так или иначе связан с ней. Фанни флиртовала со мной, и я могу поклясться, что даже во сне слышал ее яблочный шлейф, закупоривающий нос и легкие. Я чувствовал ее повсюду. Я слышал ее смех в своей голове. Иногда мне снилось, что я касался

ее, доводил до крышесносного оргазма. Иногда мне снилось, как ее длинные ноги обхватывают мою талию, пока я вгоняю свой член глубоко в нее.

Иисусе, она дочь моего Президента, и мне просто-напросто запрещено об этом думать, но я не могу успокоиться.

Эта заварушка началась, немного-немало, а именно три года назад, когда ей было пятнадцать. Я видел Фанни в последний раз, когда ей было двенадцать. Уезжая из родного Дэнвелла, я помнил ее косички, наивный взгляд и неряшливое платье в подсолнух. Она плакала, обнимая меня. Она была лучиком света, к которому я всегда тянулся.

За те три года, что я отсутствовал, все кардинально изменилось. Мы иногда созванивались, и я по голосу мог понять, что малышка менялась... Взрослела и хорошела.

Но, когда я вернулся спустя три года, никак не ожидал увидеть расцветшую девушку. Она чуть выросла, и ее формы стали круглее и женственнее. Не поймите меня неправильно: в двенадцать она даже не носила лифчик, потому что в области груди ничего такого заметного не было. В пятнадцать она похвасталась своей уверенной двойкой, придя на семейный ужин в облегающем платье. В тот вечер она не сводила с меня глаз, и я... Я еле сдерживался, чтобы не ответить на ее малодушный флирт и кокетливое хлопанье ресниц.

И в какой-то гребаный момент я вспомнил, что она ребенок, сестра моего лучшего друга, дочь Президента и... Просто та, кто не в зоне доступа.

Я желал ее на протяжении трех лет, но должен оговориться, что последние полтора года были просто безумными. С каждым годом она взрослела и хорошела. Когда ей было семнадцать, она вдруг призналась, что готова к переменам в личной жизни. Хочет найти парня, с которым поцелуется, с которым потеряет невинность, с которым обретет уверенность и смелость.

Я едва сдержался, чтобы не показать ей, что все это она может сделать со мной. Не скажу, что был влюблен в нее, но я остро желал, чтобы эта девочка всегда была со мной.

В качестве кого – непонятно. Я ненавидел рамки и ограничения.

Чтобы хоть как-то усмирить свой пыл, на прощание подарил ей кулон, на который она засматривалась несколько месяцев. Я хотел, чтобы она забыла обо мне, чтобы взялась за голову и перестала питаться ложными надеждами.

Я никогда не смогу быть с ней. Никогда не смогу дать то, что она заслуживает.

Я просто не создан для нее.

Стук каблуков привлекает мое внимание, и я поднимаю голову. Взгляд скользит по высоким кожаным сапогам, по стройным ногам, по бедрам, по узкой талии, по упругой груди. Ее алые губы растягиваются в улыбке.

– Тир! Дарк! – и в родном голосе столько неприкрытого счастья, что мне становится плохо.

На Фанни черное платье-свитер или что это за мешок, утянутый ремнем на талии? Ее блондинистые волосы заворачиваются в бублики на кончиках, а на голове черная повязка.

Она никогда так не одевалась. Я помню ее причудливые платья в двенадцать, откровенные майки и платья с пятнадцати до семнадцати. В восемнадцать она похожа на девушку-мечту, у которой есть чувство стиля.

На фоне моих потертых черных джинсов, берцев и черной футболки с длинным рукавом, Фанни выглядит изумительно.

Тир подрывается, сгребает принцессу в объятия, а я так сильно сжимаю бутылку, что она вот-вот лопнет от давления. Я не могу сделать то же самое, потому что она под запретом.

– Фанни, ты дива! – говорит Тир с восхищением.

– Я знаю-знаю. Хлоя похлопотала над моим стилем, чтобы я выглядела достойно и красиво. Все-таки Сиэтл – это не Дэнвелл! – она широко улыбается, и я вижу румянец на ее щеках.

Тир обнимает ее так долго, что я сжимаю челюсти и молюсь, чтобы это закончилось как можно скорее.

– Я привезу с собой Хлою на Рождество. Папа сказал, что будет рад увидеть, с кем я делю комнату в общежитии. Она понравится тебе, – нежный голос заставляет мою кровь бурлить.

– Не сомневаюсь, что она понравится мне, – Тир играет бровями, получая нежный шлепок от Фанни по плечу.

– Ты не будешь ее трахать. Она моя лучшая подруга, так что тебе лучше засунуть свой член в кандалы, если не хочешь попасть под кастрацию.

Тир смеется, а мне вот ни хрена не смешно. Я хочу уйти отсюда.

– Ладно-ладно. Твои друзья – это мои друзья. Дарк, поприветствуй мою сестру должным образом, – Тир обращается ко мне, задевая ботинком мои ноги.

И в этот самый момент я ставлю бутылку пива на столик, поднимаюсь и делаю вдох.

Зеленое яблоко просачивается в меня, по коже бегут мурашки, и я чувствую себя сопливым идиотом.

Фанни смотрит на меня с восхищением и желанием. Зеленые глаза горят огнем, а губы растягиваются в широкую улыбку.

– Я рада видеть тебя, – говорит она и тянется, чтобы обнять меня.

Не сдерживаюсь, резко дергаюсь вперед, сгребая в свои объятия и приподнимаю над полом. Она хохочет, стискивая мои плечи.

– Без тебя было тяжело. Только ты можешь усмирить Тира, – хриплю, отпуская ее.

Она цокает, и я вижу ее розовый язычок, скользнувший между алых губ. Представляю, что эти губы скользят по моей длине, облизывают и посасывают головку.

Полная задница.

Член стремительно твердеет от прилившей крови, и я, вздохнув, понимаю, в какой нахожусь заднице.

У Тира звонит телефон, и он быстро говорит:

– Я отойду. Вилли звонит.

Я готов закричать, как последний трус, чтобы он не бросал меня наедине с Фанни, чей взгляд прожигает меня насквозь.

Она делает шаг вперед, поправляет сумочку на плече и хватается себя за шею, вытягивая из-под платья кулон, который я подарил ей год назад.

В ее лисьих глазах – нежная печаль, сводящая меня с ума. Наклоняет голову в сторону, осматривает меня с неподдельным любопытством.

– В мае мне исполнилось восемнадцать. По меркам некоторых законов я являюсь совершеннолетней.

Я помню, что второго мая у нее день рождения, и я поздравлял ее, но сделал это очень скупно, потому что не хотел выглядеть смазливый или особо заинтересованным. Я отослал ей смс-ку, а вот подарок оставил у себя дома, чтобы отдать при другом случае. Я не знал, что она сегодня приедет.

– Так вот, помнишь, я как-то рассказала тебе о том, что хотела бы найти парня, с которым все попробую впервые?

Прищуриваюсь, киваю и не совсем понимаю, к чему она клонит.

– В Сиэтле у меня было много времени, чтобы подумать над тем, стоит ли заводить отношения. Я, вроде как, встретила кое-кого.

Блядь. Теперь я все понял.

Ухмылка застревает на губах, пока я пытаюсь героически игнорировать ревностные нотки.

Кто этот гребаный смертник? С кем мне предстоит иметь дело?

– Теперь ты официально взрослая? – спрашиваю тихо, склоняя голову набок.

Фанни расцветает, румянец становится заметнее.

Она облизывает свои алые губы.

– Да, – выдыхает она.

Честно, я не хочу это слышать, но извращенный демон, сидящий в горле, заставляет спросить:

– Ты счастлива?

Я нет, но ты никогда об этом не узнаешь, потому что все твои первые разы хотел забрать я.

Я эгоист.

Фанни не колеблется.

– Да. Я собираюсь рассказать об этом отцу. Кажется, он идеальный парень. Я... Я полюбила его всем сердцем, Делани, – меня передергивает от того, как она породному произносит мое имя.

Я прищуриваюсь, но потом улыбаюсь и киваю, отступая:

– Я рад за тебя, Фанни. Надеюсь, он тот самый, и он сможет о тебе позаботиться.

Мне нужно срочно уйти, иначе я взорвусь от поглощающей меня ревности. Фанни делает шаг ко мне, яблочный аромат вонзается в ноздри. Я еле дышу.

– Уверена, что он может позаботиться обо мне. Он не такой трус, как ты, – последние слова звучат шепотом.

Я мгновенно раздражаюсь.

– О чем ты, черт возьми?

Зеленые глаза сверкают злостью.

– Не говори мне, что ты не хотел меня, Делани.

Я слабо улыбаюсь.

– Не хотел. Принцесса, ты для меня, как младшая сестра, – пытаюсь сгладить остроту разговора. – Плохо хотеть трахнуть сестер.

– Я не твоя гребаная сестра.

– Я знаю, но ты для меня сестра, пусть и некровная.

Фанни злорадно усмехается, и в ее глазах что-то ломается. Последний нежный трос разрывается, и она шипит:

– Я лишилась девственности в первую же неделю, как приехала в Сиэтл, – жестко выплюнула Фанни. – Я пошла в ночной клуб, напилась и позволила какому-то мудаку выебать меня в грязном туалете, потому что тот, кого я хотела, не хотел меня, и я больше не могла терпеть это. Ему нравятся шлюхи, и сейчас, когда я стала ею, может, он обратит на меня внимание.

Я резко хватаю Фанни за локоть, подтягиваю к себе и рычу в ее красное от злости лицо:

– Ты, блядь, шутишь, Фанни?

Она растеряно моргает, брыкается, но я удерживаю ее одной рукой, и во мне слишком высокий уровень гнева, чтобы отпускать ее просто так. Пальцы сжимают ее тонкую руку, и она почти пищит, а испуганные глаза лихорадочно смотрят в мои.

– Ты шутишь? Ты не можешь поступать так безрассудно, мать твою. И с чего ты решила, что мне нравятся шлюхи?

– Ты трахаешь их, – безапелляционно говорит она.

– Я трахаю все, но только не маленьких глупеньких девочек, Фанни.

Она обиженно надувает губы. Бью по больному. Так и надо. Я хочу, чтобы она все поняла.

– Так тупо распрощаться с невинностью могла только ты, – ворчу с недовольством, и меня очень задевает этот факт.

– Я наслаждалась каждой секундой, пока мудака трахал меня, – прошептала она, и я увидел намек на слезы в ее глазах. – Так что ты можешь не беспокоиться.

– О чем?

– Я больше не хочу, чтобы ты был первым. Я больше не влюблена в тебя. И я больше не схожу с ума по тебе, Делани. Все кончено.

Она вырывает локоть с силой, и я отпускаю ее, потому что не знаю, что хочу больше: удержать или убить ее.

Фанни всхлипывает, разворачивается и уносится прочь, оставляя меня в полном замешательстве.

Что, черт подери, только что произошло?

И почему я опять в какой-то дерьмовской драме.

Глава 2

Полторы недели спустя

По приезде в Сиэтл я сразу же рассказала Хлое о том, что случилось дома на День благодарения с Делани.

Хлоя назвала его мудаком, и я была с ней солидарна.

Перед тем как приехать домой и встретиться с ним лицом к лицу, я несколько раз репетировала жесткую речь, чтобы вызвать в нем хоть какие-то эмоции, но она никак не помогла растопить его холодное нутро, чтобы из него полилась горькая правда. Я видела его горящий темный взгляд, и я точно уверена в том, что он хотел меня, но почему сопротивляется, ведь я вовсе не стыжусь и не скрываю, что безумно хочу его?

Я соврала ему о том, что лишилась невинности, и о том, что нашла себе парня. Последний год, проведенный вдали от семьи, показался мне вечностью, за которую я постарела на несколько десятков лет. Быть одной в незнакомом городе – это очень тяжело, и у меня бывали не самые лучшие дни, в которые я много плакала и ходила, как привидение. Хлоя скрашивала мое одиночество, но я безумно хотела домой: к Тиру, к Винни, к Пасифику, к Дарку, к маме, папе – всем, кто был моей семьей.

Я соврала, чтобы показать ему, что больше не страдаю по нему, что, конечно, было ложью. Моя любовь к Дарку только усиливалась, как и чувство тоски по нему. Я хотела писать ему каждый божий день, чтобы узнать, как у него дела и что нового, но меня останавливала разумность, твердившая, что ему на меня наплевать.

Когда я приехала в Дэнвелл на День благодарения, все стало только сложнее. Я видела, как он смотрит на меня, как прожигает взглядом, как думает о чем-то, что точно выливается за рамки его придуманных братско-сестринских отношений.

Я не знала об этом наверняка, поэтому не могла с точностью сказать, хотел ли он меня на самом деле.

Вернувшись в Сиэтл, я подумала о том, что хватит с меня.

Я весь год провела в мучениях и страданиях по нему, чтобы добиться от него хоть чего-то, поэтому отныне я прекращаю страдать по Делани Россетти.

Я начну новую жизнь без него.

– Как тебе это? – спрашивает Хлоя в пятницу вечером, прося меня оценить ее бордовое платье длиной до колена.

Хлоя стала моей подругой год назад, когда нас поселили в одну комнату в общежитии. Она из Порт-Анджелеса. В отличие от меня, у нее нормальная семья: мама занимается растениеводством, а отец работает в автосервисе. Среднестатистическая семья, у которой нет жизни, как на пороховой бочке.

Когда Хлоя прикатила свои два маленьких чемодана и кратко представилась, я сразу же поняла, что мы станем подругами или кем-то вроде того. Она излучала бешено-сексуальную и неугомонную энергию, которая мне очень даже пришлась по вкусу. Я знала, что она сможет растопить мою тоску.

Она примерно моего роста, с роскошными каштановыми волосами, голубыми глазами и россыпью веснушек на носу и щеках. Она очень стильная, но при этом не тратит уйму денег на шмотки. Она любит посещать что-то вроде скидочных магазинчиков или секонд-хендов, чтобы прикупить себе что-нибудь новенькое.

– Слишком целомудренно для студенческой вечеринки, – отвечаю тихо.

Хлоя собирается пойти на вечеринку в одно из братств колледжа, чтобы обратить на себя внимание одного белобрысого красавчика.

– Если ты хочешь соблазнить Джоша в этом, то у тебя ничего не получится.

– Заноза, – бесится Хлоя, откидывая платье на заваленную одеждой кровать. – Я не знаю, что надеть!

– Надень то мини, которое ты купила в прошлые выходные в Порт-Анджелесе. Кажется, оно великолепно обтягивает твои детородные бедра.

У Хлои потрясающая фигура: большая грудь, плоский живот и классные бедра с упругой задницей. Хлоя дважды в неделю ходит в спортзал, а также посещает факультатив по йоге, считая, что женское тело всегда должно быть упругим и пластичным.

Я ограничиваю себя занятиями по йоге, на которые она меня затащила.

– Думаешь?

Она вытаскивает хлопковую тряпку из шкафа, быстро надевает ее и разглаживает несуществующие складки.

Я отрываюсь от ноутбука, где просматриваю задания на следующую неделю, и восклицаю:

– О, мать твою! Ты просто невероятна!

Она не показывала мне платье на себе, но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что Хлоя в нем будет выглядеть великолепно. Как я и предполагала, платье обтянуло ее в нужных местах, подчеркнуло декольте и бедра, делая ее фигуру похожей на «песочные часы».

– Не слишком открыто? – с сомнением спрашивает она, крутясь возле зеркала.

– Нет. В самый раз. Джош оценит по достоинству.

– Ладно, остановлюсь на этом. Ты начнешь собираться? Административное право подождет до завтра. Я не хочу идти одна. Мне нужна твоя поддержка.

Последнюю неделю я жестко хандрила и не хотела никуда идти, хотя сексуальный красавчик по имени Мэтт предлагал мне клево провести время на вечеринке, где будет разбавленный алкоголь, травка и что-то еще. Такое веселье мне было не по душе.

Я вздыхаю и поджимаю губы. Сходить на вечеринку, чтобы проветриться и на время забыть о Делани, – звучит как идеальный план, но я не уверена, что мне будет там весело. Мэтт

очарователен, и он пытается ухаживать за мной, но он не Делани, и мой цветок не расцветает при его виде.

Пойти ради Хлои, чтобы поддержать ее? План так себе, учитывая, что она не фанатка алкоголя и травки, да и я, признаться, тоже.

Обдумываю ее слова еще раз. Это сотый раз, когда я думаю над предложением. В любом случае мне нечего терять. Я закрываю ноутбук, откладываю его в сторону и спрыгиваю с кровати.

– Ладно, я схожу, но предупрежу: если мне будет очень скучно, и я пойму, что ты в надежных руках, уйду, окей?

Хлоя улыбается, подпрыгивает и хлопает в ладоши.

– Детка, я знала, что ты все-таки пойдешь и забудешь своего гребаного идиота!

Я криво улыбаюсь и быстро одеваюсь в простые джинсы и укороченный топик, купленный за бесценок в секонд-хенде.

Мы приезжаем в дом братства, когда вечеринка в полном разгаре. Громкая музыка, заставляет двухэтажный дом содрогаться. Несколько человек высыпались на поляну перед домом. Они громко гогочут, орут и веселятся. Я кривлю губами. За прошедший год я была на вечеринках несколько раз, и не могу сказать, что это был лучший опыт. Я всегда оставалась трезвой и неприступной, потому что просто хотела понять, каково это – быть нормальным студентом. Я таковой не являлась, потому что знала, что в Сиэтле есть чартер Сынов, и за мной иногда следили, докладывая о моем местоположении отцу.

Хлоя берет меня под локоть, и мы заходим в дом, который вот-вот лопнет не только от музыки, но и от количества людей. Здесь много и парней, и девушек с разноцветными стаканчиками. Братство одно из самых популярных, потому что эти парни играют в американский футбол и очень знамениты в стенах колледжа.

– Выпьешь? – кричит Хлоя мне на ухо.

Я жму плечами. Пить в незнакомом месте с незнакомыми людьми мне не очень хотелось. Я знала немного о том, как оставаться в полной безопасности, поэтому не собиралась уподобляться до того, чтобы пить неизвестно что, чтобы завтра проснуться не на родной койке, а в кровати неизвестного парня.

– Фанни! – орет кто-то сбоку, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть улыбающегося Мэтта.

На нем белая футболка-поло и синие джинсы. Он выглядит расслабленным и хмельным. Его глаза немного остекленели от пива, но он, кажется, более чем трезв, так что я не пугаюсь, когда он вырывает меня из цепких рук Хлои и притягивает к своей груди.

– Привет, – бормочу я, не зная, услышал он меня или нет.

– Хлоя, я рад, что ты привела ее! – кричит Мэтт, отпуская меня, и я тут же делаю шаг назад, увеличивая дистанцию.

Хлоя закатывает глаза, но улыбается.

– Она пришла не к тебе, красавчик. Не видел Джоша?

Понимание захлестывает Мэтта, и он быстро кивает.

– Кажется, он был на заднем дворе. Пошлите, там как раз играют в пив-понг. Вы умеете играть?

Мы протискиваемся к дверям, чтобы выйти на задний двор, когда Хлоя орет:

– Я слишком плоха в этом, но могла бы поучаствовать.

Мэтт придерживает двери, и мы оказываемся на свежем воздухе, где гораздо лучше дышать, нежели в душном доме. Хлоя замечает Джоша, который вальяжно расслаживается в мягком кресле, и ее глаза загораются.

– Пошлите, я попрошу для вас партию вне очереди.

Я смотрю на Мэтта, и он подмигивает мне, а я внутренне съеживаюсь. Чертов ад, мне не нравится Мэтт и его попытки флиртовать со мной. Я не заинтересована в том, чтобы давать ему ложные надежды, и если он попытается что-то выкинуть, мне придется сказать ему об этом прямо.

– Это было бы очень мило, – пищит Хлоя, двигаясь достаточно быстро на своих немаленьких каблуках.

– Ты хорошо выглядишь, – говорит мне Мэтт.

Чувак, я в драных джинсах, укороченном топике и в бабушкином свитере! – думаю я со смешком.

– Спасибо. Ты тоже ничего, – мой ответ холодный, но это не задевает его, потому что с его довольного лица не сходит гребаная улыбка.

Я замечаю, как Джош встает, чтобы поприветствовать Хлою. Я вижу его голодный взгляд, скользящий по ее фигуре, и предполагаю, чем закончится сегодняшний вечер.

Джош залезет в трусики Хлои, и она будет этому безумно рада.

– Как насчет партии? – спрашивает Мэтт. – Девчонки против нас.

Джош показывает большой палец вверх.

– Привет, Фанни! – говорит он с улыбкой.

– Привет, Джош. Нравится то, что видишь перед собой? – усмехаюсь, выгибая бровь.

– Фанни! – верещит Хлоя, и мы дружно смеемся.

– Давайте сыграем, девочки.

Мы идем к столу с пив-понгом, и я сразу же жалею об этом, потому что я слишком хороша в том, чтобы проигрывать в таких играх.

Глава 3

ДЕЛАНИ

Стоящая передо мной на коленях блондинка умело ласкает мой член своими сиськами, пока я откидываю голову на спинку дивана. Перед закрытыми глазами стоит образ Фанни, и я никак не могу избавиться от ощущения пустоты. Она уехала две недели назад, и мне кажется, что за это время я превратился в страдающий кусок дерьма или в страдающую сучку.

Тир заметил, что со мной что-то не так на следующий день после Дня Благодарения. Ужин прошел нормально, но потом я сослался на клубные дела и умотал в чартер Белведа, чтобы просто... Просто спрятаться на несколько дней, дожидаться, пока Фанни покинет Дэнвелл. Я чувствовал себя гребаным трусом, который не мог с ней встретиться. На меня давило то, что она сказала.

«В первую неделю в Сиэтле я подцепила мудака в клубе и трахнулась с ним в грязном туалете».

Черт, эти слова долбили дыру в моем мозгу, и я никак не мог выкинуть это дерьмо из своей головы. Я хотел бы избавиться от этих мыслей, но просто не мог. Меня шарахало, как наркомана и маньяка, и я хотел узнать, кто это был, чтобы выбить из него все дерьмо. Я был законченным, свихнувшимся мудаком.

Мой разум плыл. Здравомыслие было послано к черту.

Я зарывался в кисках столько, сколько не делал со времен моих шестнадцати лет. Я нуждался в забвении, и я искал его там, где его чертовски сложно найти.

– Все хорошо, милый? – спрашивает блондинка.

Я открываю глаза и смотрю вниз.

Гребаное дерьмо. Пока я думал о Фанни и о том мудаке, с которым она потеряла невинность, мой член превратился в мягкую плоть.

Только не это.

– Поработай ртом, – предлагаю, и она с блестящими от желания глазами кивает, присасываясь надутыми губами к головке.

Я вновь прикрываю глаза, воскрешая образ Фанни. Яблоко забивает нос, и кровь стремительно приливает к члену. Шлюха стонет со стволom во рту, вибрация отдает по нижней части тела. Я готов провалиться в небытие. Мне нужно получить это освобождение. Я остро нуждаюсь в том, чтобы не чувствовать напряжение, сковывающее мои органы.

Она начинает активно сосать, когда я слышу уведомление на телефоне.

Спасибо, Господи, что не дал мне расслабиться.

Хватаю рукой телефон, подношу его к лицу, и сердце сбивается с спокойного ритма, подпрыгивает к горлу.

Да, она прямо чувствует, когда нужно написать.

Быстро открываю чат с Фанни.

Фанни: Привет, ублюдок. Я пишу тебе, чтобы сказать, что безумно соскучилась по тебе. Но не переживай. Я не страдаю, потому что у меня есть это.

Она присылает фото, где в ее руках бутылка текилы. Рядом стоит какая-то брюнетка, а позади них белобрысый парень, улыбающийся во весь свой мерзкий рот. И я вижу, что его сальная рука обнимает ее за плечо. Ублюдок.

Я: Ты пьяна?

Ответ приходит почти молниеносно.

Фанни: Безумно!

Я скрежещу зубами, когда приходит второе сообщение.

Фанни: Собираюсь трахнуть одного парня сегодня вечером. Он не скрывает, что я нравлюсь ему. Воспользуюсь им.

Я: Где ты?

Фанни: В Сиэтле, ха.

Я: Адрес.

Фанни: Пошел к черту, козел.

Я: Немедленно напиши свой гребанный адрес, мальчика.

Фанни: К тому времени, когда ты приедешь, я перетрахую половину братства. Может, тогда я смогу объездить тебя? Тебе же нравятся дрянные шлюхи.

Я: Не играй с огнем. Адрес.

Фанни: Ты его не получишь! А теперь пока, потому что я собираюсь веселиться в свое удовольствие.

Я: Фанни, напиши свой ебанный адрес.

Она не отвечает мне в течение нескольких минут. Это заставляет мою кровь кипеть от злости. Ярость, подобно красной тряпке, встает перед глазами.

Блондинка продолжает сосать мой вялый член, и я не слишком нежно отпихиваю ее в сторону, вставая с дивана и натягивая джинсы.

– Ты можешь быть свободна, – бормочу я, поправляя пуговицу.

Она пытается противостоять:

– Но...

– Съебись, сука, – рычу я.

Она подбирает свои шмотки и исчезает из приватной комнаты стриптиз-клуба «Аура» за несколько секунд.

Я выхожу из комнаты, строча новые сообщения:

Я: Фанни, если ты собираешься вывести меня из себя, я клянусь, что убью каждого, кто прикоснется к тебе.

Она не отвечает мне в течение нескольких минут, пока я натягиваю толстовку и косуху. Я снова пишу ей.

Я: Ты, на хрен, издеваешься надо мной?

***Я:** Надеюсь, что к моему появлению ты отрезвеешь и поймешь, что только что наделала, детка.*

В зале вижу Тира и Винни, которые упиваются вниманием шлюх. Я мог бы сказать им, чем их младшая сестра занимается, но вместо этого скольжу мимо, чтобы выйти незамеченным.

Я выхожу через центральные двери, прыгаю на байк и с ревом несусь в сторону выезда из Дэнвелла. Поездка до Сиэтла составит почти четыре часа, и я искренне надеюсь, что к тому времени Фанни отрезвеет и объяснит мне, что с ней, на хрен, происходит.

Глава 4

Меня выворачивает уже второй раз за прошедший час. Чертова игра в пив-понг! Я выпила столько, сколько не пила всю свою сознательную жизнь. Хлоя сторожит туалет по ту сторону двери и иногда спрашивает, как у меня дела. Мне очень плохо. Я очень хочу поехать в общежитие, но не могу оторваться от унитаза, потому что меня сильно тошнит уже некоторое время.

За прошедшие три или почти четыре часа на тусовке все, что я помню, – это отрывки. Память подводит меня, и я тщетно пытаюсь вспомнить, что произошло со мной до того, как Хлоя приволокла меня в туалет, пока я не заблевала стол для пив-понга.

Мой телефон вибрирует, и я дрожащей рукой тянусь к рычагу смыва, чтобы убрать за собой следы маленького грязного преступления. Быстро мою руки в раковине, вытираю их о джинсы и вытаскиваю телефон из кармана.

Развернется ад.

Желудок подскакивает к горлу, вызывая новый приступ тошноты. Только не это. Какого черта?

Дарк: Вытаскивай свою маленькую задницу из туалета, если не хочешь, чтобы я снес дверь с ебанных петель, детка.

Меня начинает трясти от страха и непонимания. Дрожу, как собака, боясь наказания. Я тут же смотрю на дверь, в которую кто-то стучит. Подпрыгиваю и шарахаюсь назад.

Не может быть!

– Фанни, милая, ты в порядке? – обеспокоенный голос Хлои заставляет меня немного успокоиться.

– Хлоя, ты с кем?

Мой голос дрожит. Я боюсь узнать, что Делани прямо за дверью. И почему он должен быть тут? Я помню, что писала ему и дразнила, но ему слишком долго ехать из Дэнвелла, так что он не может быть тут.

Я не верю в это, и Хлоя подтверждает мои опасения:

– Я одна! Здесь только Джош, и он спрашивает о твоём самочувствии. Милая, позволь мне дать тебе таблетки, чтобы тебе стало лучше! – просит она, и я, слишком пьяная, плетусь к двери, спотыкаясь обо что-то.

– Дерьмо! – ворчу под нос, дергаю шпингалет, и дверь тут же распахивается.

Я вываливаюсь из туалета прямо на крепкое тело, от которого пахнет лесом.

Хвойным лесом, хозяйственным мылом и шлюхами.

Крепкие руки обвиваются вокруг меня, и я стону.

– Хлоя...

– Детка, ты едва стоишь на ногах, – шепчет парализующий голос.

Я узнаю его из тысячи других, потому что он особенный. Он единственный, от которого по телу бегут мурашки, живот стягивается и скручивается в узел, а сердце ухает в пятки. Единственный, кто ласкает мои уши, кто согревает внутренности теплом, кто вызывает во мне бурю эмоций!

– Что ты здесь делаешь? – хмурюсь и пытаюсь выровнять свое тело.

Я так резко поднимаю голову, что перед глазами темнеет. Морщусь от головокружения. Зрение расфокусировано, и Дарк представляется блеклым пятном. Не могу нормально рассмотреть его. Черт.

– Как ты узнал...

Тело резко взмывает вверх, и я слышу удивленный возглас.

– Пожалуйста, скажи, что она будет в порядке. Я боюсь за нее! – кричит Хлоя.

Я не вижу, что делает Дарк, но Хлоя умолкает. Моя голова прислоняется к его груди, и я прикрываю глаза, наслаждаясь родным ароматом. *Мне так не хватало его.*

Он бережно и легко несет меня, пока я пытаюсь осознать, что натворила. У меня слишком пьяный мозг, а здравость расфокусирована. Я понимаю, что не все так плохо, когда открываю глаза и замечаю знакомый Харлей.

– Я не... Ты не можешь посадить меня на байк. Я не твоя шлюха, – скрежещу так злобно, как только могу.

– Мы оставим это в секрете, – в его голосе слышу ухмылку.

Слабо ударяю кулачком по его крепкой груди и вздыхаю.

– Я не удержусь и свалюсь с него. Мне плохо, понимаешь, Дарк? Просто...

Мысли путаются, не могу сосредоточиться.

– Десять минут, и ты будешь в общаге, детка.

Слабые ноги касаются земли. Хватаюсь рукой за крепкий бицепс Дарка, и его рука обхватывает меня за плечи.

– Ты должна это сделать, чтобы я мог уложить тебя спать.

– Я, на хрен, ненавижу тебя.

Он ухмыляется, кивает и подталкивает меня в сторону Харлея. Взбирается на него за несколько секунд, и я не сдерживаю стона. Я вижу каскады мышц, перекатывающиеся через темные джинсы и косуху. Я знаю, что его тело – это сплошные мышцы, и мне хочется облизать их или хотя бы потрогать.

– Ты можешь быть менее великолепным?

Он усмехается надо мной, и я закатываю глаза.

– Нет, детка. Садись.

Я еле как сажусь на его байк, он берет мои руки и сцепляет их на своем животе. Прижимаюсь щекой к его спине и думаю о том, какой же тупой душой я являюсь, раз заставила его приехать ко мне из Дэнвелла в Сиэтл. Делаю пометку в мозгу, что нужно перечитать переписку и понять, что вызвало в нем резкое желание приехать.

Мы едем молча. Ветер обдувает мое лицо, приятно холодит. Я чувствую ладонями его пресс, и мне кажется, что в этом мире нет ничего идеальнее, чем тело Дарка. Я тяжело дышу, пытаюсь справиться со своим пьяным и возбужденным состоянием. Он дурманит хуже алкоголя.

Приехав в общежитие, он помогает мне слезть с байка, а потом ведет в сторону корпуса, в котором я живу.

– Откуда ты знаешь... Тир или Винни, да? Гребаные киски.

– Хватит ругаться, Фанни. Обопрись на меня, – командует он.

– Тебя не пустит консьерж, – ворчу.

– Я могу быть очень убедительным, – Дарк играет бровями, и мне хочется ударить его.

– Там сидит претензионная сука, и ты не сможешь ее трахнуть, Дарк, – фыркаю, когда мы проходим сквозь двери.

Как и ожидалось, нас встречает дама в возрасте. Она внимательно смотрит на нас поверх очков.

– Молодой человек, вы из этого общежития?

– Да, – бросает он.

Я вырываюсь из его объятий и шагаю к лифту, чтобы поскорее исчезнуть и не знать, как он охмурит эту женщину. Пока жду лифт, Дарк появляется за мной с вполне дружелюбным видом.

– Тебе хватило тридцать секунд, чтобы трахнуть ее? Сдаешь позиции, – фыркаю и вваливаюсь в кабину.

Он заходит за мной, нажимает нужный этаж, и мои брови взлетают на лоб:

– Какого черта? Зачем ты приехал? Я не хочу тебя видеть, – мои гневные тирады почти ничего не стоят, когда мы выбираемся из лифта, и он тянет меня в сторону нашего с Хлоей мини-блока.

Я достаю ключ из джинсов, и Дарк вырывает его из моих рук.

– Эй!

Он быстро справляется с замком, запихивает меня в блок. Я начинаю немного бояться его, потому что он закрывается изнутри, тянет меня в сторону двери в ванную. Я начинаю ругаться и сопротивляться.

– Нет! Что ты делаешь, черт возьми? Оставь меня в покое!

Он сильнее меня. С учетом того, что я пьяна, ему совсем не составляет труда заволочь меня в ванную, поставить в душевую кабину и резко включить ледяную воду.

Я взвизгиваю и пытаюсь уклониться от напора воды, но он перехватывает мои руки.

– Стой ровно.

– Черт возьми! Прекрати! Немедленно! Мне холодно.

Вода продолжает хлестать по мне. Одежда мгновенно становится мокрой насквозь. Кожа покрывается мурашками. Я пытаюсь вырвать руки из его хватки, чтобы обнять его, но он не позволяет этого сделать.

Прошло не больше минуты, и я чувствую, как начинаю трезветь. Разум проясняется, желудок сворачивается, словно весь алкоголь выходит через кожный покров. Такого ведь не может быть, да?

– Я н-н-нена-в-в-ижу т-т-теб-б-бя, с-с-сука, – зубы стучат друг о друга, я еле могу говорить. Такими темпами я слягу с пневмонией или еще чем-нибудь похуже, но, кажется, Дарка это не волнует.

– Ты должна была думать раньше, прежде чем отправлять мне тупые сообщения, детка, – говорит он с раздражением. – Я, черт подери, сорвался, чтобы предотвратить твое разгулье и богохульство, детка.

Я стону от невыносимого холода и кричу:

– Я замерзла, Делани!

– Хочу, чтобы ты отрезвела, чтобы мы смогли нормально поговорить.

– Пожалуйста, – умоляю я.

Поднимаю на него взгляд и вижу, как его идеально вылепленное лицо перекашивается от раздражения. Он быстро закрывает кран, хватается большое белое полотенце с полки, обматывает его вокруг меня и тянет к себе. Врезаюсь в его тело, мои зубы стучат, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, а кровь застынет от нестерпимого холода.

– Если я заболела, ты будешь виноват, – грешу, пока он достает меня из душевой и подталкивает на выход из ванной.

– Если тебе будет от этого легче, окей.

Я быстро иду в комнату, он следует за мной, но мне уже настолько плевать на его присутствие, потому что все, я хотела – это немедленно стащить с себя мокрые вещи. Мне не удастся закрыть перед его носом дверь, потому что он ставит ногу.

Я стряхиваю с себя полотенце, оборачиваюсь и качаю головой:

– Выйди, на хрен, из моей комнаты, чтобы я могла переодеться.

– Черта с два, детка. Переодевайся, я не буду подглядывать, – уверяет Делани, осматриваясь по сторонам.

Он впервые здесь, и он единственный, кто был в самой комнате, а не на территории общежития. Весной приезжали мои братья, чтобы повидаться, поэтому они видели, где я живу, но не видели, где находится моя комната.

Меня заводит мысль, что Делани здесь, и я могу открыто флиртовать с ним, чтобы вызвать определенные эмоции, но мне вовсе не нравится мысль, что он будет со мной в комнате, пока я буду переодеваться в сухую одежду. Когда я вижу, что он увлеченно рассматривает полки с книгами, быстро подхожу к шкафу, раскрываю дверцы и выдергиваю лосины и длинную футболку. Быстро снимаю с себя мокрые кроссовки, носки, джинсы и топик со свитером. Все шлепается на пол с чавкающим звуком.

Оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, что делает Дарк, но он по-прежнему увлеченно разглядывает книги. Я стягиваю трусики, понимая, насколько абсурдна и комична данная ситуация.

Я глупо влюблена в Дарка.

Он приехал спасать мою тощую задницу.

Я стою перед ним голая, а он не обращает ни малейшего внимания на меня, потому что я для него как младшая сестра.

Я быстро натягиваю лосины, но это удастся не с первого раза, потому что кожа влажная и плохо скользит по узким штанинам. Начинаю злиться, когда одна нога застревает, и я едва не падаю.

– Фанни, – бормочет он, и я взвизгиваю от неожиданности, резко выпрямляюсь, зависнув со штанами на бедрах в провокационном положении. Я немного наклонилась, и, если присмотреться, в темноте комнаты можно увидеть мою киску. Стремительно краснею от всей неловкости и медленно выпрямляюсь, не сдерживая тяжелого выдоха.

– Дай мне одеться. *Пожалуйста*, – мой голос на грани шепота. Я сейчас крайне уязвима.

Я не слышу его шагов, но ощущаю каждой клеточкой тела, как он приближается. Дарк плохо влияет на меня. Я склоняю голову вперед, прикусывая нижнюю губу. Кажется, я вот-вот расплачусь, потому что сегодняшний вечер – это сплошное недоразумение, вышедшее из-под контроля.

Чувствую обжигающее прикосновение к бедрам. Вздрагиваю от неожиданности. Его мозолистые руки оглаживают мои бедра, и я не сдерживаю выдоха-стона. Я столько мечтала, чтобы он коснулся меня, что сейчас все кажется нереальным. Его руки ползут по моим ногам,

согревая, и я радуюсь тому, что стою к нему спиной, и он не может видеть моего пылающего от стыда лица.

Его пальцы натягивают лосины на мою задницу, и я вижу по блеклой тени, что он вытягивается во весь рост позади меня.

– Спасибо, – шепчу в тот же момент, когда он резко прижимается ко мне со спины. Я ставлю руки на закрытую дверцу шкафа, чтобы не столкнуться носом с деревом.

Он притесняет меня так сильно, что мне некуда деться. Голая грудь с твердыми от возбуждения сосками упирается в прохладное дерево. Я с трудом могу поверить в то, что еще несколько минут назад дрожала от холода, а теперь меня трясет от горячего возбуждения, быстро расходящегося по всему телу.

Он врзается своими бедрами в мою поясницу, и я прогибаюсь, чтобы встретить его мягкий толчок. Между губ скользит судорожный выдох, когда чувствую, как к спине прижимается его внушительного размера член, обтянутый джинсой. От этой мысли начинает кружиться голова, и я просто медленно схожу с ума.

Мужчина, которого я так долго хочу, хочет меня в ответ. Разве это не подарок? Не сюрприз? Не великолепно, черт подери?

Его тяжелые ладони падают на шкаф по обе стороны от моей головы. Он сильнее вжимается в меня, и я с силой прикусываю губу, чтобы не стонать. Между ног все пульсирует, и я вынуждена признаться в том, что мне нужна разрядка, иначе стихийное возбуждение, которого я раньше не ощущала, лишит меня контроля.

– Фанни, ты играешь с огнем. Прекрати, – в его голосе предупреждение.

– Что? – хрипло шепчу, не понимая.

– Что ты пыталась добиться, строча мне эти гребаные сообщения?

Я покрываюсь стыдливым румянцем, вспоминая, что писала Дарку. Захлебываюсь воздухом, пытаюсь подыскать ответ. Почему, когда он рядом со мной, у меня вырубается мозг? Я дура?

Я влюблена.

– Ничего. Все давно решено.

– Ответь мне на один, черт возьми, вопрос, Фанни, – строгая злость скользит в его голосе, и я прикрываю глаза от наслаждения, когда он снова толкает свои бедра в меня.

– Какой?

– Ты трахнула того чувака, которого хотела?

О чем он, черт возьми, говорит?

Я ни с кем не трахалась. Никогда. Я по-прежнему девственница, потому что тот, кого я хочу, не интересуется мое тело.

Поделом.

– А если да, что с того? – тихо переспрашиваю. – Это просто трах. Он ничего не значит.

Кажется, ему не нравится мысль, что меня кто-то может трахать, и меня это безумно заводит.

Дарк склоняется, обдавая мою щеку горячим дыханием.

– Надеюсь, тебе это понравилось. Впредь, если ты вдруг захочешь потрахаться, не стоит сообщать об этом мне, если не хочешь, чтобы я рассказал обо всем твоим братьям.

– Ублюдок, – шиплю я. – Это похоже на шантаж.

– Это похоже на реальность. Я не против, чтобы ты избавлялась от напряжения, если это сделает тебя чуть терпимее, чем гребаная киска во время течки. Прекрати быть сукой, Фанни. Я не играю в твои детские игры.

Его бедра вновь врзались в меня. На этот раз сильно и несдержанно. Я еле слышно простонала и проскребла ногтями поверхность шкафа.

Моя сердцевина пылала. Я желала его всем телом, всей душой, всем сердцем. Вот только была маленькая загвоздка – он нет.

Его большая рука оказывается на моем голом животе. Мне хочется крикнуть, чтобы он потрогал мою грудь, поигрался с сосками и заставил меня кончить, но все, что мне удастся – это просто дышать.

– Прекрати докучать мне, ладно? Я не твой гребаный охранник, чтобы мотаться из Дэнвелла в Сиэтл, чтобы спасти твой зад, детка.

– Ты всегда будешь спасать меня, Дарк. Ты обещал, – с придыханием говорю я, а потом протяжно стону, потому что его губы опустились к моему голому плечу, а рука сжала мой бок. – Ты дал кровное обещание моему отцу.

Он ругается себе под нос. Его зубы ведут по моей коже, и я вжимаю голову в плечи от того, насколько это приятно.

– Буду, но не от парней, которых ты хочешь трахать, Фанни.

– Разве твой твердый член не говорит о том, что ты хочешь меня? – решаюсь на наглость, чтобы прояснить ситуацию.

– Мой член не получил желаемого результата. Когда ты строчила мне сообщения в пьяном угаре, его объезжала сладкая киска, и мне пришлось лишиться удовольствия, чтобы спасти тебя из блядушника. Если ты хочешь поспособствовать тому, чтобы высосать из него жизнь, тебе стоит встать на колени.

О. Мой. Бог.

Реальность обрушивается на меня.

Меня словно громом поразило. Я окаменела в считанные секунды после его слов, которые ударили меня под дых. Не могу поверить собственным ушам! Он только что признался в том, что трахал шлюху, пока я пыталась вывести его на эмоции. И тот факт, что он недоволен тем, что ему пришлось прерваться на меня, заставляет мою кровь кипеть, а язык превратиться в жало.

Я не боюсь наговорить ему гадостей. Я боюсь, что скажу то, что запутает наши отношения еще сильнее.

– Если твоя шлюха была настолько хороша, как ты мог променять ее на меня? Я ведь никто для тебя, Дарк.

– Вот именно. Сейчас я жалею, что не спустил ей в рот или на ее классные сиськи. Я мог быть более удовлетворенным, а не взбешенным. Детка, тебе стоит прийти в себя и успокоиться, чтобы я мог уехать и завершить то, чем был занят немногим ранее.

Мое лицо пылает от стыда, в глазах начинает резко щипать, и я хватаю футболку из открытого отсека.

– Отодвинься от меня, – шепчу, чтобы он не понял, что довел меня до предельной точки. Слышать нечто подобное слишком обидно, и я не собираюсь с этим мириться.

– Нет, детка. Ты хотела моего внимания, и ты получаешь его.

– Иди на хрен, чертов козел. Я собираюсь одеться и вызвать копов, если ты не понял, что я хочу, чтобы ты ушел отсюда. Не заставляй меня быть такой, Дарк. Просто оставь меня в покое.

Он тесно прижимается ко мне, и я хочу оттолкнуть его, но не хочу делать это задницей, потому что такое движение можно неправильно интерпретировать.

Его губы опускаются к плечу, зубы прихватывают кожу, и я силюсь, чтобы не разреветься.

Мое бедное сердце, страдающее по этому сукину сыну, обливается кровью. Он точно знает, что нужно сказать, чтобы заставить меня ненавидеть его еще сильнее. Я, блин, просто не в себе от злости.

Он больно кусает мое плечо, я шиплю и дергаюсь, пытаюсь избавиться от него.

– Больше никаких выкрутасов, детка. Иначе я приеду и сделаю то, что тебе не понравится.

Его руки исчезают с моего тела. Я тут же хочу, чтобы он продолжал меня касаться, говорить все, что угодно, лишь бы он был тут.

Я так сильно скучала по нему.

Я так сильно желала его.

– Хватит пугать меня. Я скажу, что ты домогался меня, и мой отец отрежет твоего друга, – рычу, натягивая футболку.

Перебрасываю через плечо волосы и поворачиваюсь как раз в тот момент, когда тяжелая рука опускается на подбородок, поднимая его.

Наши взгляды пересекаются.

Во мне выиграл адреналин, так что мне не страшно стоять возле него и испепелять злым взглядом. Но, конечно, это на него не действует.

Карие глаза полыхают насмешкой.

– Ты не сможешь задеть мое эго, Фанни.

Я фыркаю:

– Да, потому что оно чрезмерно большое.

– Нет, потому что в тебе говорит маленькая обиженная девочка.

Взгляд опускается к его пухлым губам. Ресницы трепещут, и я мягко улыбаюсь:

– Да, я маленькая обиженная девочка, которую ты сегодня неплохо унизил. Ты уничтожаешь меня, Делани. Я устала от этого, так что оставь меня в покое, ладно? Я собираюсь выпить чай, чтобы согреться и лечь спать. Убирайся из общежития.

– Ты всегда искала моего внимания, – он прищуривается, оценивая меня.

Я криво усмехаюсь и качаю головой.

– Сейчас я хочу, чтобы ты избавил меня от своего внимания. Оставь меня в покое.

Дарк не выглядит оскорбленным. Он просто кивает, а потом покидает мою спальню, мой блок, мое общежитие и Сиэтл. Он возвращается в Дэнвелл, а я скатываюсь по стене вниз, зарываюсь лицом в колени и снова плачу.

Господи, какая же я идиотка! Что я творю? Где моя голова на плечах? Почему я такая бессовестная?

Глава 5

Через неделю после случившегося

Я: Привет. Не могу дозвониться до Тира. Он с тобой?

Я рискнула написать первой, потому что так было правильно. Дарк приезжал ко мне в Сиэтл, и я обошлась с ним не очень-то любезно.

На следующее утро, когда похмелье взяло верх, я вдруг поняла, что Дарк переживал за меня и не хотел, чтобы я совершала поступки, о которых потом буду сожалеть.

Он приехал ко мне посреди ночи, я наговорила ему полной ерунды, и он уехал.

Ну, еще мы немного потерлись бедрами, и я точно помню, как его член прикасался к моей пояснице.

Но это сущие пустяки.

Я поступала, как последняя бесчувственная сука по отношению к нему.

Несмотря на сжирающую внутри меня ревность, когда я узнала о том, что он трахал какую-то шлюху, я хотела, чтобы наша встреча имела другой характер.

Вспоминая о том, как он прижимался ко мне, как его руки и губы касались моей кожи, я забывала, как дышать, а между ног становилось влажно и горячо.

Я каждый день была в состоянии возбуждения. Это было не так круто, как можно представить. Я была на взводе и несколько раз срывалась на ни в чем невиновных людей.

Вечером, когда Хлоя была в спортзале, я дважды мастурбировала и дважды кончала с его именем на устах. Я проваливалась в бездну разврата, представляя его пальцы вместо своих, его тело между своих раздвинутых ног, его язык на моей киске, его руки в моих волосах. Я так сильно теребила свою сердцевину, что после третьего оргазма она распухла и ныла.

Но несмотря на количество оргазмов, легче не стало. Внутри сидел груз, от которого я не могла избавиться. Он приносил дискомфорт, и порой было сложно дышать. Я знала, что это было связано с Дарком, и я хотела как-то решить эту ситуацию, но не понимала как.

Я написала ему сообщение ранним утром, когда собиралась на занятия. С нетерпением ждала ответа, но он не ответил. Он не ответил мне ни днем, ни вечером, ни ночью, ни на следующий день. Я была вне себя от злости.

С Тиром я созвонилась и узнала, что он был в отъезде, где плохо ловила сеть, а вот сообщение Дарку так и осталось непрочитанным. Я волновалась и страшно переживала, но спрашивать у братьев, куда он уехал и как скоро вернется, не горела желанием.

Я сделала попытку написать ему еще раз через несколько дней.

Я: Привет. Сильно занят?

Мое сообщение вновь осталось без ответа в течение нескольких дней. Я подумывала о том, что он заблокировал мой номер или вовсе стер его и не мог определить, кто ему пишет.

Это вызвало во мне злость, и я уже хотела было ему написать, чтобы предъявить претензию, как он ответил мне.

С первого сообщения и до его ответа прошло почти пять дней.

Дарк: Привет, принцесса. Я так понимаю, что первое сообщение утеряло свою актуальность, но мне нечего тебе сказать по этому вопросу, потому что я за сотни миль от Дэвелла и не имею понятия, чем занимается Тир. Извини, у меня только сейчас нормализовалась сеть, и я смог тебе ответить. Я нахожусь в дороге, так что да, я чертовски сильно занят. Все в порядке или что-то случилось?

Я: Куда ты направляешься?

Дарк: В Денвер.

Я: Зачем?

Дарк: Дела клуба. У тебя все хорошо, Фанни?

Я: Да, все в порядке. Я просто хотела извиниться за то, как повела себя в последнюю нашу встречу. Кажется, я действительно была очень пьяна и не понимала, что делала. Прости, Дарк, хохо.

Дарк: Извинения приняты, детка. И впредь, если ты вдруг захочешь исполнить подобный трюк, я скажу твоим братьям, чтобы они приехали сами. Видеть тебя голой выше моих сил :)

Я: Как же братско-сестринские отношения?

Дарк: Ты мне не кровная сестра, детка. Я считаю тебя своей младшей сестрой, потому что помню с очень маленького возраста, но, когда ты всеми силами пытаешься доказать обратное, я забываю, что растил тебя, и мне это не нравится. Твое тело практически сформировалось, и ты уже достаточно взрослая, чтобы понять, что подобные трюки лучше не исполнять рядом с мужчинами, если не хочешь, чтобы тебя хорошенько трахнули.

Я: Кажется, именно этого я и хотела от тебя, Дарк. Только ты все усложняешь.

Дарк: Суть в том, что ты не понимаешь, что этого лучше не делать, детка. Я брат твоих братьев, а твой отец мой Президент. Трахать их сестру или его дочь – это тоже самое, что подписать себе смертный приговор.

Я: Я достаточно взрослая, чтобы принимать такие решения.

Дарк: Вилли хотел бы, чтобы ты стала старухой хорошего байкера и не делала то, чего лучше не делать. Мальшика, мне пора ехать. Вин (кстати, странно при нем переписываться о таких вещах) пилит мои мозги уже десять минут. Мы отклонились от курса и нужно нагнать дорогу. Не переживай, я никому не скажу, на что ты способна в пьяном угаре, но лучше не повторяй этого, договорились? Я хочу, чтобы между нами сохранились те целомудренные отношения, которые были всегда. Кстати, ты приедешь на Рождество?

Я: Ладно, между нами останутся целомудренные отношения (хахаха, это звучит безумно мерзко). Спасибо, что никому не рассказал. Да, я приеду на Рождество вместе с подругой. Ждешь моего возвращения?

Дарк: С нетерпением.

Я: *Жди, хoho.*

Мне понравилась наша переписка, которая практически расставила все точки над «и». Мне нравится, что Дарк не уклоняется и не пытается выставить себя обиженным за то, что произошло между нами. Я знаю, что виновата перед ним, и мне стало немного легче, когда мы пообщались.

И, само собой, я воодушевлена тем, что он счел меня вполне привлекательной. Он игрок и бабник, так что ему нравится видеть голых женщин. Однако, это немного повысило мою самооценку, и я чувствую себя намного лучше.

Кажется, он немного обеспокоен тем, что я ему написала, но это не страшно. И, похоже, он ждет моего возвращения на Рождество.

Признаться, я безумно соскучилась по нему и жду, когда мы увидимся, чтобы в тысячный раз разбиться.

Глава 6

ДЕЛАНИ

– Три-ноль, сучка, – верещит Лайм, отбрасывая джойстик в сторону. Он вскакивает с дивана и начинает исполнять какой-то непонятный танец, размахивая руками и ногами. Я бы сказал, что это тектоник, шаффл, или какой-нибудь буги-вуги.

– Тебе просто повезло, козел! – пыхтит Вин (Винни), вставая с дивана и поправляя жилет. Он достает телефон из кармана и чертыхается.

– Что? – спрашивает Лайм.

– Мама написала, чтобы я был дома к одиннадцати.

– Зачем? – спрашивает Тир, входя в гостиную с бутылкой пива.

– Если бы ты был на прошлом семейном ужине, то знал бы, что приезжает твоя младшая сестра, и мы готовим для нее что-то вроде сюрприза, – огрызается Вин.

– Я был в отъезде, – просто отвечает Тир.

Их перепалки раздражают меня, но так уж вышло, что сегодня первый день, как мы вернулись в Дэнвелл, поэтому решили засесть в моем доме, чтобы поиграть в приставку и выпить пива. Вынужден терпеть их громкость и перепалки.

Я любопытно смотрю на Вина, делая глоток эля.

– Что за сюрприз? – спрашиваю.

– Мама решила сделать косметический ремонт в спальне Фанни: перекрасить стены, обновить мебель и полностью переделать гардеробную. Пока вы были в отъезде, мы практически прикончили гардеробную, поэтому сегодня займемся покраской стен в спальне.

– Ого, – удивляется Тир. – Она ничего такого не говорила.

– Ты, кусок дерьма! Она говорила об этом несколько недель назад, когда ты еще не уехал. Может, твой мозг просто не может это усвоить?

В следующие пять минут происходит это: Тир кидается на Вина. У них начинается шутильная борьба, где в ход пускают только руки. Они кроют друг друга матерными словами, пока мы с Лаймом просто пьем пиво и переглядываемся в надежде, что это прекратится.

Признаться, это было не в первый и далеко не в последний раз.

Я пересаживаюсь поближе к Лайму, хватаю джойстик и говорю:

– Начнем, может?

– Сейчас я! – кричит Тир, и ему тут же прилетает хук слева от Вина. – Ах ты, мелкий прыщ! – он наносит несколько ударов по «блоку» своего брата.

– Блядь, вы бесите меня оба, – ворчит Лайм. – Заряжай, Дарки.

Мы рубимся в UFC, пока Тир и Вин борются между собой на полу. Мне немного странно от мысли, что их семья настолько большая. Бренда родила четверых детей, и у нее хватило сил вырастить их, так что это сильный поступок. Она настоящая мать, которая стоит горой за своих детей. Помимо этого, Бренда стоит грудью перед клубом. Она жена Президента, и на ней висят некоторые обязанности.

Бренда что-то вроде королевы или мамочки Сынов, так что к ней всегда можно обратиться за какой-либо помощью, и она почти никогда не откажет.

Бренда залетела Тиром в шестнадцать. На тот момент Вилли было двадцать два, и он вошел в группу детей первой девятки. После того, как старик Виланд ушел на пенсию, оставив после себя Вилли, тому некогда было возиться с новорожденным Тиром. Он хотел возродить клуб и сделать так, чтобы он работал в полную мощь. Ему потребовалось долгие десять лет, чтобы наладить легальный и нелегальный бизнесы, и в течение этих десяти лет рождались дети.

Следующим был Вин, рожденный с разницей в два года. Вилли пропадал на работе в клубе, а Бренда старалась заботиться о двух маленьких мальчиках.

Затем был Лайм. Вилли был рад тому, что в его семье трое сыновей, но больше всего он хотел дочь. Казалось, что именно с появлением в семье Фанни он стал более домашним и сдержанным, более приземленным. Мой старик говорил, что Вилли сильно изменился, когда стало ясно, что у него родится дочь. Он перестал вести разгульный образ жизни, превратился в подкаблучника и домоседа, но не забывал о клубных делах, чтобы Сыны не потонули.

Он называл Фанни принцессой. К тому моменту, когда родилась Фанни, мне было восемь. Я увидел *ее* новорожденную, крохотную, со сморщенным лицом, будто вот-вот начнется паника. Потом она открыла свои бездонные зеленые глаза, и я вдруг отчетливо понял, что это Вилли 2.0. Она была такой же свирепой и жестокой. С самого детства она показывала свой характер, и Бренда отхватила сполна, когда поняла, что родила копию Вилли, только в женском обличье.

Не сказать, что Фанни нарывалась на скандалы или что-то подобное, но она была именно тем человеком, кто привлекал к себе внимание. Она ходила в обычную среднюю школу Дэнвелла, но там ее называли не принцессой, а королевой. Она была красивой и одаренной, с острым языком, проникновенным взглядом и неординарным умом. Она не была той мерзкой сукой, кто портил жизнь остальным. Она была обычной, но привлекающей внимание. Все знали, кто ее отец, и все старались угодить ей, но Фанни была очень избирательна в друзьях, потому что понимала, что они дружат с ней не потому, что видят в ней хорошего человека, а потому, что ее отец был Президентом Сынов, что делало ее популярной по умолчанию.

Моя дружба с Вилланелле завязалась еще до школы. Мой отец был сыном основателя Сынов, поэтому он дружит с Вилли. Сейчас мой отец что-то вроде казначея, но ранее был вице-президентом. Сейчас ему больше нравится заниматься бумажной волокитой, так что он передал бразды Марио, потому что тот заслуживает этого. Марио всего тридцать пять, и он в самом расцвете сил. Это было единогласное решение. Мой отец хорошо ладит с цифрами и счетами, что только на руку. Предыдущий казначей умер еще до того, как я официально получил жилет. Пусть он и полагался мне с самого детства, потому что я наследие своего отца, но мне нужно было доказать, что я могу быть полноправным членом клуба.

И за последние десять лет, что я стал тем, кем мне нравится являться.

Это во мне.

Я – это Сыны Дьявола.

И это будет неизменно.

У меня есть понятия, которые далекие от нормального мира. Я – это не тот мир, где царит идиллия и страсть, где все хорошо, долго и счастливо.

Я живу в разрухе, и мне это нравится, потому что я и есть разрушение. Вокруг меня свобода, и я ценю ее, потому что это то, чего я хотел всегда.

Последние несколько недель выдались напряженными. Долгая поездка в чартер Денвера далась мне нелегко. Я поехал по поручению Вилли, но вызвался в любом случае, чтобы проветрить мозги. Мне требовалась нормальная встряска, чтобы прекратить вести себя, как киска в разгар течки.

Я называл это бесами, потому что иногда мне остро было необходимо присутствие Фанни. Я хотел ее увидеть или услышать, чтобы знать, что она в порядке.

В ту самую ночь, когда я выжимал газ до отказа, мчась в Сиэтл, мне казалось, что мой байк сойдет с ума и ему потребуется долгий ремонт. Когда я ехал обратно в Дэнвелл, конечно, не гнал как сумасшедший, потому что здесь меня никто не ждал.

И, черт меня возьми, тот час, проведенный с Фанни, остался в моей голове, как кирка, долбящая мой мозг по сей день. Я трогал ее нежную, почти бархатную кожу, вдыхал аромат ее возбуждения. В ночном свете трудно что-то разглядеть, но я был бы не я, если бы не увидел очертания розовых половых губ, когда она нагнулась, чтобы подтянуть лосины. Черт, это было слишком эротично, и мой перегретый мозг и возбужденный член решили сделать это.

Я просто прижался к ней всем телом, вдыхал треклятое яблоко, и мне было так хорошо.

Я наслаждался этим, как умалишенный наркоман, добравшийся до дозы, сходил с ума, касаясь ее трепетного тела. Я слышал, как она тяжело дышала, как сдерживала стоны. Я все это видел, слышал, ощущал.

Потом все испортил, потому что она вне зоны доступа.

Она не та, с кем можно переспать, а потом бросить.

Она заслуживает намного больше, чем я могу ей дать.

Фанни написала мне первой, и мы немного пообщались. Это был единственный раз, но я хотел еще.

Я не держал на нее зла. Скорее, я злился сам на себя за несдержанность и распутство. Мне не хотелось причинять ей боль, но это происходило само собой. Она нарывалась, я не сдерживался, и все заканчивалось слишком плохо, поэтому я смотался в Денвер, чтобы прояснить для себя несколько вещей.

Я завел правило: не обращать внимания на флирт Фанни Вилланелле, чтобы удержаться от соблазна трахнуть ее при первой же возможности. Наверное, это правило не особо работает, и мне никак не помогла поездка, потому что я по-прежнему хотел, чтобы это случилось.

Черт, я был конченным идиотом, но я просто не мог отказаться от этого.

Я отчаянно хотел ее не только телом, но и душой.

И в этом была гребанная проблема мирового масштаба.

– Со дня на день приедет Фанни, а у меня ни хрена не готово, – ворчит Бренда на семейном ужине в воскресенье.

Фанни должна приехать двадцать второго числа. Насколько я был посвящен в эту тему, за ней отправится Терренс, так как Вилли будет занят поездкой в чартер Белведа. Он уедет двадцатого и вернется двадцать третьего. Обсуждает возможность встретиться с белведскими Сынами, вторыми после нас по масштабности, чтобы собраться на вечеринку в главном клуб-хаусе.

– Ма, еще целая неделя, – отвечает ей Лайм, жуя салат.

Бренда поджимает губы.

– Гребаные доставщики не привезли вовремя комод. Может, стоит навеститься к ним? Я слышала, что у Рэя проблемы с ними.

Рэй Уорнер – коп, которому мы платим за крышевание. Если у него были какие-то проблемы, то иногда они автоматически становились нашими.

– Тир, Дарк и Лайм, съездите на мебельную фабрику. Поторопите ребят, окей? – спокойно говорит Вилли.

– Окей, – отвечает Тир.

– Как продвигаются дела в Ауре? – спрашивает Вилли.

– Пока что все в порядке. На прошлой неделе приезжал проверяющий от Рэя, написал хорошую характеристику, – быстро спохватывается Бо.

– Я проверил серверы, чтобы они оставались в безопасности, а также переустановил систему видеонаблюдения в некоторых приватках, – отвечаю я за отцом.

Вилли понимающе кивает головой, но я-то знаю, что он ни черта не смыслит в технике и системной безопасности. У нас есть несколько членов, ответственных за безопасность, потому что она бывает разной. Я – маленький хакер, и в моих руках слишком много информации обо всем, что творится внутри клуба и за его пределами.

– Было бы неплохо знать, что нас не пасет овца за углом, – хмыкает Вилли.

– Не переживай, не пасет, – быстро отвечаю.

– Окей. Что насчет Холмов? Кто-то встречался с ними и спрашивал, что за гребанные перестрелки у них происходят? Если это коснется Дэнвелла, мы должны быть готовы.

– Я встречался с Люком, с их Президентом. Он сказал, что на них открыли охоту Портьеры. Хотят немного оторвать кусочек от территории, чтобы поместить свой гадюшник в Сакраменто, – отзывается Тайм.

– Не думаю, что нас это коснется, – встревает Марио. – Портьеры маленькие, и у них чертовски мало влияния. Кажется, мы их поддерживали при образовании, нет?

– Да, но сейчас у них другой Президент, и черт знает, что это за сопляк. Люк что-то предпринимает?

– Они готовы к бою, чтобы оставить Сакраменто за собой, – Тайм откидывается на спинку стула. – Было бы неплохо выйти на переговоры как третье лицо.

– Мы не будем встречать в это дерьмо, – морщится Вилли. – У нас есть проблемы важнее. Например, поставка оружия. Рэй будет на смене с четверга на пятницу, и мы должны перевезти груз в Белвед. А еще, что за херня произошла в сервисе? Почему какой-то Проспект ходит с багровым лицом? Мы так теряем клиентов, если он будет показывать это.

Лайм закатывает глаза.

– Он проиграл спор, что сможет трахнуть чикку на виду у всех.

Проходят легкие смешки.

– Лайм! – Бренда качает головой.

– Мам, это же... Все делают, и он не какой-нибудь особенный!

Вилли тяжело вздыхает, недовольно качает головой.

– Прекратите играть на моих нервах, ребята. Вам уже не по четырнадцать, чтобы развлекаться подобным образом. Если сервис понесет убытки из-за вас, мне придется вычитать это из ваших зарплат, окей?

Лайм немного ссутулится, выражая сожаление. Он один из немногих Вилланелле, кто чувствует хоть что-то, кроме самодовольства и непревзойденности.

– Закрыли тему, но я вас предупредил, окей? Мне не нужны раздолбанные Проспекты на виду у всех людей.

После этого пошли разговоры о бизнесе. Как правило, я мало принимал в них участие, потому что являлся лишь составной частью всего шоу. От меня требовалось не так много, но быстро и качественно. Вилли говорил о расширении бизнеса, и обсуждал с Риком, Президен-

том белведского чартера, об открытии сервиса и стрип-клуба. Неплохой отмыв денег в крупном городе. Скорее всего, мне поручат сделать какую-нибудь легкую работу, где нужно пораскинуть пальцами и мозгами.

В конце ужина, когда Бренда уже начала убирать все со стола, а Лайн, как провинившийся, ей помогал, ко мне подошел Вилли со словами:

– Дарк, собери информацию о Портьерах. Хочу узнать, какие у них там произошли перестановки.

– Окей. Соберу все, что смогу, к завтрашнему вечеру.

– Не торопись. Я уезжаю в Белвед только в четверг, так что к этому дню жду информацию. Возможно, мне придется встретиться с Люком, но это в крайнем случае.

– Понял. Сделаю все, что смогу.

Я собираюсь выйти из дома, поэтому заглядываю на кухню и, улыбнувшись, говорю:

– Спасибо за ужин, Бренда.

Это было правилом в их доме – благодарить того, кто приложил руку к еде. Бренда была святой, не в прямом смысле. Она была той, кто всегда накормит, умоет и уложит. Она была чем-то вроде матери для всех нас. Заботливой сукой. Ну, вы поняли, что я хочу донести.

Бренда подходит ко мне, и я подставляю щеку. Она для меня как мать. Бренда помогала Бо растить меня, так что я обязан ей тем, что умею. Моей матери не стало, когда мне исполнилось пять. С пяти до пятнадцати я был частым гостем в этом доме, пока Бо выполнял работу клуба. Бренда была для меня хорошим учителем абсолютно во всем.

– Не за что, милый. Кстати, ты собираешься встретить Фанни?

Что-то дергается во мне, но внешне остаюсь равнодушным.

– Не думаю. Ее встретит Тир.

– Вчера я созванивалась с ней, и она сказала, что скучает по всем вам. В прошлом году она не была такой радушной и даже отказывалась приезжать, – Бренда слабо улыбается. – Надеюсь, что ближайшие полтора года пройдут быстро, и она наконец-то вернется в Дэнвелл с мыслью, что не стоило отсюда уезжать.

Черт, это опасная дорожка, и мне не хочется на нее ступать, потому что я, вроде как, только-только привык к мысли, что Фанни в Сиэтле, и мы увидимся за ее каникулы несколько раз на общих сборах.

Бренда хватается полотенце, вытирает руки и смотрит на меня добрым взглядом:

– Ты мог бы поехать с Тиром. Знаю, что он защитит ее, но дополнительной помощи не помешает. Вилли не может по понятным обстоятельствам, а Вин и Лайм будут приглядывать за всем тут вместе с Марио.

– О, я даже не знаю, – озадаченно тру затылок. Черт. Блин. Нет. Я не хочу встречать Фанни. – Мы не обсуждали это.

Она машет рукой, как бы говоря: «Тут нечего обсуждать».

– Поезжай. Я скажу Вилли, что Тиру нужен напарник.

– Ладно.

Я на это не подпишусь. Мне хватает того напряжения, которое Фанни создала после Дня Благодарения. Черт подери, во что я ввязываюсь? Мне не хочется видеть ее лишний раз, чтобы не искушать желание обладать ею.

Бренда откладывает полотенце и идет ко мне. Я напрягаюсь всем телом.

– Я не жду, что ты придешь к нам в Сочельник или в Рождество, но ты мог бы прийти, чтобы не быть один в этот день. Наверное, Бо будет занят, но обещал прийти по возможности.

Она говорит это каждый год. Приглашает, но я никогда не прихожу. Этот праздник... Эти дни для меня ничто. Я ненавижу эти дни, так что не вижу смысла в том, чтобы нести тяжесть в светлые минуты пиршества.

Я тяжело выдыхаю.

– Не знаю. Спасибо за приглашение, Бренда, – систематический ответ.

Она кивает, и я вижу, что ее сучья маска начинает трескаться. Она резко отворачивается, и я исчезаю из кухни, чтобы не увидеть, как она провалилась в прошлое двадцатилетней давности и сдерживает слезы.

Даже у таких закаленных женщин, переживших огромную кучу дерьма, есть чувства.

Глава 7

Канун Рождества

– Ты обещала приехать ко мне. Терренс хочет познакомиться с тобой, и я не хочу огорчать его, – мягко улыбаюсь, складывая последние вещи в чемодан.

Хлоя хохочет, запуская в меня подушкой. Я не успеваю увернуться, и она ударяется о мое плечо.

– Тебе повезло. Мои родители поедут в Сан-Франциско на Рождество, чтобы провести романтический вечер, поэтому я приеду к тебе уже послезавтра. Отец даст мне свою машину, потому что его грузовик мощнее моего седана. Приготовь мне лучшую комнату!

– Заметано, детка. Не хочешь поспать в кровати Терренса? – дразнюсь с коварной улыбкой.

Хлоя краснеет и снова громко смеётся. Я улыбаюсь и складываю косметику.

– Ни в коем случае, черт возьми!

Мой телефон резко начинает звонить, и я бегу к столу. Наверное, это Тир. Он должен был забрать меня.

– Тир! Ты уже приехал? Я ждала тебя через час.

– Детка, мы с Дарком приехали на час раньше, ага. Так получилось. Боялись, что встанем в пробку из-за снегопада. Поторопи свой зад, пожалуйста! Передай привет Хлое и скажи, что я буду рад с ней познакомиться.

«Мы с Дарком».

Эта мысль не даёт мне покоя. Я делаю глубокий вдох и быстро говорю, стараясь не показывать, как его слова действуют на меня:

– Через пятнадцать минут спущусь.

– Ладно, ждём, – вздыхает Тир.

Хлоя замечает, как моё хорошее настроение улетучивается, поэтому аккуратно спрашивает:

– Он приехал, да?

Поднимаю на неё расстроенный взгляд и киваю. Хлоя сжимает губы.

– Мне жаль, что тебе приходится испытывать это, милая. Вы... Вы одна семья. Ты дочь байкера, а он байкер. Вы связаны, и...

– О, не носи эту хрень, Хлоя, – я запускаю в нее подушкой.

Она с хохотом ловит ее и прислоняется спиной к стене. Хлоя выезжает через два часа, поэтому она не особо торопится с вещами, а вот мне стоит побыстрее утрамбовать последние вещи, чтобы не задерживаться и не злить Тира.

– Ты же говорила, что вы хорошо поболтали в последний раз, нет?

– Да, но это было больше месяца назад. Сейчас я ничего не знаю. Может, у него появилась старуха или кто-нибудь еще?

От этих мыслей мне становится не по себе. Вряд ли Дарк смог обзавестись женщиной, учитывая его образ жизни, но за несколько месяцев могло произойти все что угодно.

Теперь это не даст мне покоя.

Хлоя цокает, и я выплываю из своих рассуждений:

– До сих пор не понимаю твои байкерские термины, но скажу так: Дарк – бабник, и он точно трахался в свое удовольствие, пока ты горевала по нему и пыталась найти пути подхода к неприступному принцу.

Я закрываю чемоданы и подхожу к Хлое, которая смотрит на меня ясным взглядом голубых глаз. Думаю, она понравится Тиру, и меня это несколько беспокоит. Не хочу, чтобы ее испортил мой брат. Она мне нравится. Хороший пушистый котенок.

– Мне пора идти, – говорю я.

– Я знаю, – она крепко обнимает меня. – Я скоро приеду к тебе, и мы сможем оторваться по полной.

– Верю, что так и будет. Скажу маме, чтобы она приготовила для тебя комнату. Все будет идеально, Хлоя.

– До встречи, Фанни.

Мы крепко обнимаемся, и она помогает мне справиться с чемоданами. Хлоя заталкивает одну сумку в лифт, затем я машу ей рукой, и мы расстаемся всего на три дня.

Я крепко сжимаю ручку чемодана, готовая встретиться лицом к лицу с тем, кто мне небезразличен. После нашего интересного диалога посредством переписки я надеялась, что что-то изменится, и мы начнем немного восстанавливать контакт на прежний уровень, но этого не случилось. Не сказать, что мы часто это делали, но в такие моменты я радовалась, как маленький ребенок.

Меня немного потряхивает, когда я осознаю, что через считанные секунды встречу с этим. Волнуюсь, как школьница. *Хотя отчасти я и есть такая.*

Вытащив из лифта чемоданы, двигаюсь к маленькой лестнице, чтобы спуститься и пройти через консьержа. В прошлый раз, когда мимо нее проскочил Дарк, я думала, что мне сделают замечание или выговор, но эта женщина лишь ехидно смотрела на меня, не говоря ни слова. Мне остается только догадываться, что произошло в тот вечер.

Слышу ее смех и закатываю глаза, но потом улавливаю знакомый хриплый тембр, и по коже бегут мурашки:

– Извините, что в прошлый раз так вышло. Сами понимаете, дело молодое, – блеет Дарк.

Я выхожу из-за угла, появляясь на лестнице. Чемоданы скользят по плитке, создавая небольшой шум.

– Я все понимаю, – хихикает сука в очках за стойкой.

Я поджимаю губы и понимаю, что ревную Дарка к консьержу, которой, наверное, около пятидесяти лет.

Может, он любит милф?

Дарк стоит по другую сторону стойки, опирается на столешницу локтями, и у меня перехватывает дыхание. Он раскосо улыбается и заигрывает с ней, но не прилагает особых усилий. Он одет в одежду черного оттенка, но его байкерская косуха с эмблемой клуба придает особенную ауру. От него в принципе веет мужественной сексуальностью, но сейчас это ощущается слишком хорошо.

Ну, почему он такой совершенный? Я понимаю, что это глупо, потому что для кого-то он обычный, но для меня нет. И я также понимаю, что мои розовые очки, сквозь которые я смотрю на него, делают многое для того, чтобы я считала его великолепным.

Я слепа от любви, и это мой огромный минус.

Продолжаю бестолково стоять на вершине лестницы и наблюдать за их тихим диалогом, но вот хихиканье суки ни черта не тихое, и меня это бесит. Я так крепко вцепилась в ручки чемодана, что у меня начинают болеть ладони.

Дарк замечает меня, поворачивается и одаривает широкой улыбкой. *Той самой, от которой хочется ему все простить, упасть в объятия и забыть о том, что он гребаный игрок на все возможные фронты.*

– Детка, ты уже собралась? – спрашивает Дарк, не отлипая от стойки.

– Как видишь, – цежу сквозь зубы и злюсь из-за того, что Тир остался в машине. Лучше бы он пошел меня встречать, и я бы не стала свидетелем этой странной сцены.

– Мне пора, – Дарк машет рукой консьержу и начинает двигаться ко мне, а я не могу отвести от него взгляд.

Обычный такой Дарк, но от которого сносит голову.

– До свидания! – щебечет старая сука, и я готова сказать ей пару ласковых, но обзор на нее закрывается Дарком, и я мгновенно забываю о ней.

Запах хвои и мыла вонзается в мои бедные ноздри, и я неосознанно вдыхаю глубже, чтобы прочувствовать, как внутри потухший огонек начинает сильнее разгораться.

Он подходит ближе, и я приподнимаю голову, словно в транс.

– Привет, малышка, – его голос становится тише, будто он пытается сохранить приватность, но я-то знаю, что старая карга смотрит на нас. Интересно, что он ей сказал, чтобы вновь показаться на пороге общежития?

– Привет, – с придыханием и нечетко отвечаю я, давая себе подзатыльник за несобранность.

Мы договорились с Дарком, что между нами останется все так же, как было до того, что случилось в моей спальне в общежитии.

От воспоминаний о том, как его руки касались моего тела, становится плохо. Я начинаю проваливаться в прошлое, чтобы воспроизвести то, как это было.

Его руки касаются моих бедер, и я помню, как вздрогнула и чуть ли не застонала от того, насколько это было приятно.

Его губы и зубы касаются моего плеча, игриво прикусывая и обводя это место языком.

Его бедра толкаются в меня, будто он хочет показать, что я возбуждаю его не хуже, чем он меня.

Черт подери, почему... Почему я была повернута спиной и не видела, как его темные глаза горят желанием?

– Ты готова? – спрашивает он, и я резко моргаю.

Мои щеки превращаются в два огненных шара, и я опускаю взгляд вниз, прикусываю губы и тихо говорю:

– Да, поехали.

Он кивает, забирает у меня все чемоданы, и мыдвигаемся на выход из общежития. Сюда я вернусь только четвертого января, так как учеба начинается с пятого, и меня подмывает показать язык старой суке, но я сдерживаюсь и быстро выбираюсь из тепла.

Я кутаюсь в теплое пальто, выходя в легкую пургу Сиэтла. Дарку, как я понимаю, совершенно не холодно в легкой кофте и косухе. Я накидываю на голову капюшон, пытаюсь не подставлять лицо снегу, иначе тушь размажется, и у меня образуются круги панды вокруг глаз.

Дарк припарковался возле ворот. Меня радует, что я поеду в теплой машине. Хорошее решение взять крытую машину, но не очень-то рационально ехать в такую плохую погоду. Кажется, метель будет до завтрашнего дня. Я собиралась прогуляться по Дэнвеллу, чтобы посмотреть подарки к Рождеству, но, вероятно, придется остаться дома, чтобы переждать бурю.

– Беги быстрее в машину, – кричит Дарк, когда мы подходим к машине.

Я мычу и ускоряюсь. Ботинки скользят по заледеневшему асфальту, и я могу не удерживать равновесие, поэтому стараюсь сохранять координацию, чтобы не упасть в грязь. Бежевое пальто, купленное всего две недели назад, не переживет такой катастрофы.

Тир выходит из машины как раз в тот момент, когда я приближаюсь к пикапу. Он сгребает меня в объятия, и я радостно визжу:

– Бог мой! Тир, я так скучала по тебе!

Он опускает меня на землю, и я слышу ворчание Дарка:

– Гребаный черт, принцесса, ты что, весь Сиэтл скупила? – он недоволен тем, что один чемодан тяжелее другого.

– Упс! Мне пришлось взять с собой больше вещей, чем планировалось изначально! – кричу в ответ, но он лишь машет рукой, как бы говоря мне отвалить.

– Я думал, что Хлоя пойдет тебя провожать, – любопытствует Тир, и я шутливо ударяю его в плечо.

– Знаешь, ты завладел ее вниманием, так что ей интересно познакомиться с тобой, но скажу сразу: черта с два она будет спать с тобой. Она, кажется, по уши влюблена в своего почти парня.

После той вечеринки, где я изрядно напилась и отправляла Дарку сообщения, Хлоя и Джош решили попробовать что-то вроде отношений. Они ходят гулять, в кино и в кафе, но при этом сохраняют дистанцию на людях, чтобы не афишировать свои отношения. Трудно назвать их парой, но мне нравится, как они смотрятся вместе друг с другом. Хлоя говорила, что у них было пять свиданий, и на последнем они попробовали целоваться. Кажется, она без ума от него.

– У нее есть парень? – недоверчиво спрашивает Тир.

– Вроде того. Не знаю. И тебя это не должно волновать, окей? Не хочу, чтобы ты разбил сердце моей единственной подруге, и она прекратила со мной общаться. Я планирую дружить с Хлоей после того, как мы окончим колледж, так что не смей испортить то, чего еще нет, ладно? Я люблю тебя, но ты бабник, трахающий все, что движется, поэтому не смей этого делать с ней, – я чуть подпрыгиваю, чтобы чмокнуть его в щеку. Тир пахнет домом, и я жду не дожусь, когда мы приедем в Дэнвелл, чтобы я смогла окунуться в родной уют.

– Прыгайте, – ворчит Дарк. – Метель только усиливается, и я не хочу застрять в гребаных пробках.

– Он стал намного ворчливее за последнюю неделю, – негодует Тир. – Приближается Рождество, и он просто ужасен.

Я мгновенно смотрю на Дарка, который прыгает на водительское место, и мне становится грустно. И как я могла сразу не понять, что он был не в самом обычном настроении? Черт, это же так очевидно.

Приближался самый нелюбимый праздник Дарка, и ему хочется укрыться от всего мира, чтобы пережить очередной год в одиночестве.

– Я понимаю, – быстро киваю и открываю заднюю дверцу, чтобы прыгнуть в теплый салон.

Тир прыгает на пассажирское кресло рядом с Дарком и велит:

– Гоним!

Как только мы покинули Сиэтл и выехали на трассу, погода резко изменилась. Метель перестала буянить, а намек на снег остался лишь намеком. Насколько мне помнилось, в Дэнвелле всегда была весьма нейтральная погода. В год выпадает много осадков, но снега не так много, как, например, на севере штата.

Дорога не утомляет, хотя я почти не принимаю никакого участия в разговоре между Тиром и Дарком. Они болтают о чем-то своем, а мне совершенно нет интереса знать, какие страсти произошли в клубе. Где-то на середине дороги я провалилась в поверхностный сон.

По приезде домой Дарк паркуется на дорожке. Тир выходит из машины первым, а я задерживаюсь на несколько секунд, застегивая пуговицы на пальто. На самом деле, я жду уединенного момента с Дарком. Он поворачивает ключ и оборачивается, смотря на меня вопросительным взглядом:

– Ничего не забыла?

Оглядываю сиденье. Я доставала только телефон, но он лежит в кармане пальто уже больше часа.

– Кажется, нет, – тепло улыбаюсь. – Спасибо, что забрал меня вместе с Тиром.

– Всегда, пожалуйста, детка.

– Придешь к нам на ужин в Сочельник?

Его лицо становится отстраненным, и он неопределенно ведет плечом. Я знаю, что он не любит этот праздник по вполне очевидной причине, но я должна увидеть его больше, чем один раз. Я хочу этого.

– Наверное, нет.

Разочарование топит с головой, но я беру себя в руки, улыбаюсь и начинаю вылезать из машины со словами:

– Жаль, я бы приготовила для тебя подарок.

Дарк вылезает следом.

– Ты и так его приготовишь, не так ли? Это, вроде, наша традиция, принцесса.

Я багровею, когда перехватываю его игривый взгляд.

– Я уже прикупил для тебя кое-что. Было бы здорово увидеться после праздников.

– Было бы неплохо, но, кажется, каждый мой день расписан. Я должна уделить всем внимание, чтобы им хватило его на полгода, которые буду отсутствовать в Сиэтле.

Дарк понимающе кивает, и я тут же жалею о том, что сказала, потому что мои слова можно расценить как за отказ.

– Может... Может, ночью? Уверена, что в клубе будет грандиозная вечеринка, на которую меня, разумеется, пустят. Ты же будешь там, а?

Он смотрит на меня так, что я сразу же узнаю его ответ.

– Дарк... – начинаю было, но он качает головой и машет рукой. – Извини.

Он раздражается:

– Прекрати, все в порядке.

– Делани... – пытаюсь передать словами, как сожалею, но меня отвлекает крик.

– Фанни! – я слышу восторженный всплеск мамы, но не могу оторваться от Дарка, лицо которого превращается в непроницаемый холст, на котором лишь одна краска – белизна, в которой нельзя разглядеть оттенки.

Я дура. Дура. Дура.

Это особенно болезненная тема для Дарка, несмотря на то что события двадцатилетней давности сложно запомнить из-за прошедшего времени.

– Привет, ма, – ныряю в ее теплые объятия, не спуская глаз с Дарка, который подходит к багажнику, чтобы закрыть его на замок.

– Хорошо добрались? Я слышала, что в Сиэтле была метель.

– Ага, было просто охренеть, как много снега, – возмущается Тир.

Я поднимаю голову к небу, завешенному облаками.

– Пошлите в дом. Дарк, зайдешь?

– Нет, Бренда. Мне нужно уехать.

Я поворачиваюсь и смотрю на него умоляющим взглядом. Уверена, что он может понять его, но специально игнорирует, садится в машину и уезжает, пока мы вдвоем стоим почти на крыльце отчего дома.

Я почти в слезах от того, что Дарк так резко уходит.

Тир и мама радуются, что я наконец-то вернулась домой.

Несмотря на явное разочарование от ухода Дарка, мне приходится сделать вид, что все в порядке, чтобы не расстраивать маму и братьев. Они помогают мне с вещами, и мы наперебой говорим о последних новостях, пока идем в мою комнату.

И как только я открываю дверь, замираю:

– Вы сошли с ума! – моя челюсть отпадает, когда я вижу обновленный ремонт в комнате.

Вместо оливковых стен стали нежно-сиреневые. Новое постельное белье, новый комод и новый стул возле стола. Я вижу, что в маленькой гардеробной (на самом деле это встроенный шкаф, но мне нравится называть гардеробной) маячат новые вешалки и полки.

– Сюрприз-и-из! – кричит Лайм позади меня. Его руки обвиваются вокруг меня, и я прилоняюсь затылком к его груди.

Я самая маленькая в семье не только по возрасту, но и по росту.

– Как тебе? Кажется, твоей комнате нужен был новый глоток воздуха.

– Ты, правда, так считаешь? – иронично спрашиваю у мамы, которая делает шаг вперед и осматривает свою работу. – Мой прошлый стул был сломан, потому что Вин упал с него, и мы никак не могли его поменять, потому что... Ну, потому что просто было некогда, да и я привыкла сидеть на обычном. Про комод я вообще молчу.

– Поэтому мы решили сделать небольшой ремонт к твоему приезду. Может, теперь ты будешь приезжать почаще? Например, дважды в месяц, чтобы твой старик не зачах и не загнулся от твоего отсутствия, – мама обнимает меня за плечи и внимательно смотрит на меня.

– Ма, мы уходим в клубхаус, – кричит Лайм, и они с Вином исчезают из дома.

Я никому не говорила о настоящей причине поступления в Сиэтл. На самом деле, мама была бы счастлива, если бы я поступила в дэнвелловский колледж на любой факультет, но мне требовалась передышка от собственных чувств, и я почти получила ее, но потом все с треском провалилось, и теперь я вновь сгораю в собственной агонии.

– Хлоя собирается приехать, как мы договаривались?

– Да, она приедет двадцать четвертого, а уже двадцать шестого уедет обратно. Ее родители едут в Сан-Франциско и вернутся только двадцать седьмого. Она хочет встретиться с ними до того, как уедет обратно в Сиэтл.

– Хорошо. Я подготовила для нее комнату слева от твоей. Она маленькая, но уютная. Извини, но Тир решил остаться у нас на Рождество, и мне пришлось отдать ему его старую комнату.

Я улыбаюсь и качаю головой.

– Тиру будет одиноко в своем доме? Сомневаюсь, что он будет ночевать здесь. Разве у них нет вечеринки на Рождество?

– Кстати, об этом, – говорит мама.

Я смотрю на нее заинтересованным взглядом, и она склоняет голову набок.

– Я поговорила с отцом по поводу твоего появления на вечеринке. Все-таки тебе восемнадцать, и ты могла бы сходить... Хотя бы раз. Но это вечеринка масштабнее всех тех, что у нас бывают, и он сомневается, стоит ли тебе туда идти. Она пройдет в баре «Боб», и там приедут некоторые чартеры, чтобы поздравить твоего отца. Он стоит у руля двадцать семь лет. Это немаленькая цифра.

Меня интересует то, что говорит мама. Посетить клубную вечеринку – это что-то новенькое. Папа говорил, что мне еще рано бывать на таком, но я не прочь развлечься, если это не повлечет за собой определенных последствий. Я знаю, что в баре «Боб» всегда происходят отвратительные вещи (например, заблеванные полы, загаженный туалет и разбитые столы со стульями – это еще не все, но самое запоминающееся).

– Разве Хлое можно будет пойти со мной?

Мама мягко улыбается и кивает:

– Можно, если ты объяснишь ей правила поведения. Тебя узнают и поймут, кто ты такая, а Хлоя – незнакомка, и ее могут счесть за развлечение. Так что, подумайте, хотите ли вы туда пойти.

– Ладно. Мы обговорим с ней этот вопрос, когда она приедет. Папы нет дома?

– Нет. Он уехал в Белвед, но должен вернуться к вечеру. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет. Мне нужно разобрать вещи. Все-таки я приехала дольше, чем на пару дней, – слабо улыбаюсь и киваю на чемоданы.

– Хорошо. Если тебе понадобится помощь, крикни, и я помогу тебе, детка.

Мама целует меня и уходит из комнаты, а я падаю на постель и прикрываю глаза. Хочу увидеться с Дарком, чтобы прояснить ситуацию, но мне не хватит смелости сделать это, поэтому я достаю телефон из кармана пальто и пишу сообщение.

Я: Дарк... Мне так жаль. Я знаю, что для тебя значит этот праздник. Может, мы могли бы увидеться в другой день?

В течение пятнадцати минут, пока я пялюсь на экран телефона и покрываюсь испариной от жары, Дарк не отвечает, поэтому я отбрасываю телефон на постель и принимаюсь за разбор вещей, чтобы немного отвлечься и не караулить сигналы уведомлений.

Глава 8

Два дня прошли быстро.

Я помогла маме навести порядок в доме и подготовиться к Рождеству. Она давала советы по тому, стоит ли нам с Хлоей идти на вечеринку. Мама была не против.

Папа приехал в тот же вечер, что и я, и мы допоздна сидели в гостиной, разговаривая о моей жизни в Сиэтле. Несмотря на то, что я училась там уже полтора года, папа не мог дождаться того момента, когда я вернусь обратно в Дэнвелл. На самом деле, я тоже с нетерпением ждала этого, чтобы быть поближе к семье.

Дарка и Тира я не видела все это время. Вернее сказать, я видела их мельком, когда они заезжали за Лаймом и Вином, а потом вчетвером уезжали. И все.

Все два дня я была на связи с Хлоей, чтобы выяснить, когда она придет, чтобы помочь с разгрузкой вещей. Из Порт-Анжелеса до Дэнвелла неблизкий путь, так что в дороге она проведет как минимум пять или шесть часов. Поэтому с самого утра я занималась тем, что караулила телефон, чтобы всегда быть на связи, а также проверяла гостевую комнату, которую ей выделила мама.

Я поправляю длинный свитер, скрывающий ягодички. Это самая удобная и комфортная одежда в моем чемодане, и я решила не отказывать себе в том, чтобы пощеголять в модных вещах.

Мой телефон начинает звонить, и я тут же беру его с постели.

– Ты уже приехала?

– Да! Я видела вашу милую табличку «Добро пожаловать в Дэнвелл». Черт, не могу дождаться, чтобы встретиться с тобой, милая! – верещит Хлоя на том конце провода.

– Я тоже, – признаюсь я, улыбаясь. – Я кое-что купила для тебя. Надеюсь, ты не будешь расстроена маленьким подарком. Это очень символично для Дэнвелла.

– Боже, это так мило, Фанни! Я тоже кое-что везу вам из Порт-Анжелеса. И так... Скажи мне, куда ехать, чтобы побыстрее оказаться у твоего дома? Жду не дожусь, чтобы увидеться с тобой.

– Ты уже проехала кофейню «Татти»?

– Я стою возле нее и пью самый вкусный капучино!

– Тогда тебе лучше свернуть налево от нее, чтобы объехать город, а не мотаться через него.

– Окей, детка. Я так и сделаю. Буду у тебя совсем скоро.

Она заканчивает разговор, а я обуваюсь в высокие сапоги и выхожу из комнаты, сталкиваясь лицом к лицу с Тиром, чья улыбка растянулась от уха до уха. А мне вот ни черта несмешно. От неожиданности я роняю телефон, а по телу скользит холодная волна испуга.

Я резко толкаю его в грудь, и он морщится.

– Какого черта? Ты здорово напугал меня! – ругаюсь на него, поднимая телефон с пола.

– Извини, я не знал, что ты не слышишь меня. Я звал тебя несколько раз, Фанни.

– Я разговаривала по телефону, – бормочу себе под нос, осматривая сенсорный экран на повреждения.

– Я слышал. Хлоя уже в городе? – любопытствует Тир.

– Да, она тут. Как насчет того, чтобы отойти с дороги и дать мне ее встретить, м?

– Я пойду с тобой!

Он устремляется за мной, и мы быстро спускаемся со второго этажа. Мы живем на востоке Дэнвелла, практически у подножия леса, поэтому от кофейни «Татти» дорога займет по меньшей мере минут десять, а максимум – пятнадцать.

– Ты помнишь, что я говорила тебе касательно Хлои? – спрашиваю, когда Тир помогает надеть пальто на плечи.

– Да-да-да, – он закатывает глаза. – Не соблазнять. Не трахать. Не флиртовать. Хэй, а если она мне сильно понравится, что тогда? Я не смогу удержаться от флирта и от желания быть с ней.

Я издаю ироничный смешок, застегивая пуговицы:

– Боже, Тир, ты веришь в то, что говоришь? Твои слова – абсурд. Тебе никто не нравится, кроме шлюх, умеющих правильно трахаться и сосать. Хлоя божий одуванчик, и она не станет этого делать.

– Что ты имеешь в виду? – не унимается он, когда мы выходим на улицу.

Я поворачиваюсь лицом к Тиру, тяжело вздыхаю и говорю:

– Хлоя наивная девственница. Она думает, что трахнется с Джошем после рождественских каникул, но при этом они всего лишь несколько раз поцеловались. Он нравится ей, хотя я нахожу его весьма смазливый и женоподобным. Наверное, я так сужу из-за того, что выросла среди мужчин, любящих байки, кожу и грязные разговоры.

Тир впечатлен и в то же время удивлен. Его брови приподнимаются, а уши дергаются. Я не сдерживаю улыбки, потому что моего брата практически ничем нельзя удивить, но, видимо, это не тот случай.

– Почему Хлоя девственница? Она же чертовски красива.

Я покаю языком.

– Она просто избирательна в парнях и ей безразличны те, кто не может удержать себя в руках. Ей нравятся *обычные*. Рубашки-поло, слаксы и туфли. Вместо байкеров она предпочтет банкиров, а вместо двухколесного монстра – четырехколесного. А еще вместо косухи – нормальное пальто. Хлоя не из нашего мира, понимаешь? Не хочу, чтобы ты причинял ей боль и делал так, что потом мне будет за тебя стыдно!

Возле нашего дома останавливается большой черный пикап, и с водительского сиденья выпрыгивает Хлоя с верещащим криком, от которого у Тира закладывает уши:

– Мисс! Фанни! Боже, это твой дом?!

– Она крикунья, – тянет Тир.

Хлоя выходит из-за машины, и я слышу сдавленный стон Тира. Перевожу на него изумленный взгляд.

– Мы только что говорили!

– Да, но ты только посмотри на нее!

Хлоя выглядит как гребаная модель. Я привыкла к ее кричащему гардеробу, а вот Тир – нет. Нельзя стиль Хлои назвать вызывающим и экстравагантным, но она умело подчеркивает свои достоинства, чтобы выглядеть сексуально и привлекательно.

На ней надето теплое вязаное платье, сапоги «Слаучи» и кожаная утепленная куртка. Она шагает к нам походкой от бедра, и я готова убить Тира за несдержанные стоны.

Хлоя подходит ко мне, и мы крепко обнимаемся:

– Черт, у вас здесь не так ветрено, как в Порт-Анджелесе.

– Ты живешь практически у океана, – говорю я с легкой завистью.

– Я обязательно жду тебя в гости, крошка, – Хлоя отцепляется от меня и смотрит на Тира. Я вижу, как в ее глазах появляется недобрый огонь: – Красавчик, я знаю, что ты Тир, и что тебе запрещено приближаться ко мне, но вот что я скажу тебе: у меня есть парень, и все твоё байкерское обаяние может пойти к черту, окей? Я собираюсь хорошо провести Рождество со своей малышкой.

У Тира отвисает челюсть от прямолинейности Хлои, а я едва сдерживаю смех, потому что, кажется, между ними зарождается что-то вроде войны или вызова... Или что-то, что приведет к нежелательным последствиям.

– Ладно, я понял, – он поднимает руки, показывая поражение, хотя между ними еще ничего не началось. – И мне приятно познакомиться с тобой, детка.

– Ты реально думаешь, что слово «детка» актуально? Оставь это для сладких лапочек, которых ты имеешь в свое удовольствие, – фыркает она.

– Брейк, друзья, – я развожу руками в стороны. – Давайте вы оставите при себе свои выкрутасы, чтобы мы смогли отлично провести время. Сегодня Сочельник, и я не хочу быть как на иголках. Хлоя, пошли в дом.

– С удовольствием.

Я беру ее под локоть, и мы идем по дорожке к дверям.

– Заберем твой чемодан позже, ладно? Хочу сначала представить тебя и показать комнату.

Она кивает, и я крепко впираюсь в ее руку. Мы обе хихикаем, потому что это напоминает нам случаи, когда мы сильно волнуемся перед чем-то важным.

– Миссис Вилланелле, я столько о вас слышала! – говорит Хлоя, когда мы входим в дом, и нас встречает мама с округленными от шока глазами.

– Хлоя, я тебе говорила. Бренда, – тихо подсказываю.

– Добро пожаловать в Дэнвелл, милая, но Фанни права: ты можешь звать меня Брендой.

– Ох, вероятно, это волнение, – мягко улыбается Хлоя.

– Может, чай? Я как раз заварила с яблоком и шиповником, – предлагает мама, когда мы снимаем пальто и проходим в дом. Тир следует за нами, сохраняя молчание.

– Почему бы и нет.

– Расскажи, как добралась? Фанни говорила, что ты родом из Порт-Анджелеса, – мы приходим в кухню, совмещенную с гостиной, поэтому устраиваемся за большим столом.

Хлоя заметно нервничает, и я беру ее за руку. Она улыбается моей маленькой поддержке.

– Нормально. Повезло с погодой. Из-за снегопада или дождя я бы приехала намного позже.

Мама быстро разливает чай по кружкам, и в это время Тир оживает:

– Лучше мне поехать и заняться делом. Не хочу сидеть на ваших девчачьих посиделках, – он поправляет жилет и многозначительно смотрит на Хлою. – Вы придете вечером в «Боб»?

– Мы еще не решили, – быстро отвечаю, чтобы Хлоя не задавала лишних вопросов при моем брате.

– Ладно. Увидимся. Приятно было познакомиться с тобой, Хлоя, – то, как он выделяет ее имя, заставляет меня почувствовать укол ревности.

Хлоя – единственная из девушек, кто произвел весьма странное впечатление на Тира. Обычно он подразделяет их на два типа: шлюхи и обычные. И, как правило, шлюх намного больше.

– И мне, Тир! – щебечет подруга, взмахивая рукой ему, а потом он уходит с кривой ухмылкой.

Мама садится с нами, держа в руках кружку чая.

– И так... Пора обсудить важный вопрос, а потом Фанни покажет тебе комнату, Хлоя.

Я чувствую, как она напрягается, но кивает.

– Мама, не говори таких страшных слов для Хлои. В общем, у нас есть возможность попасть на вечеринку сегодня вечером. Ты хотела бы пойти?

– Это байкерская вечеринка? – уточняет она.

– Конечно, милая, – смеется мама, делая глоток чая.

– Почему бы и нет? – осторожно спрашивает Хлоя.

– Дело в том, что это не простые вечеринки. Это не те, где мы были в Сиэтле, Хлоя. Это... Иногда бывает очень грязно и развратно, а еще много идиотских разговоров, мужиков и отсутствие понятия «женщина», если ты не женщина байкера.

– Ох, вау, – она пораженно вздыхает. – Звучит, как настоящий ад, если честно.

– Я знаю. Пойми, я там ни разу не была, но мои предки сочли меня достаточно взрослой, чтобы пойти на это, поэтому я хочу туда сходить, но, если ты будешь против, мы останемся дома, – неохотно признаюсь.

– Я готова пойти на вечеринку, – быстро и твердо отвечает Хлоя.

– Тогда мне стоит напомнить вам правила, девочки, – мама прочищает горло, а мы делаем вдохи и готовимся слушать то, что она нам скажет. – Хлоя, сама, наверное, понимаешь, что байкеры – это люди, у которых могут быть свои правила и взгляды на жизнь. Я бы хотела, чтобы ты не была слишком далеко от нашей семьи, так как многие могут счесть тебя за развлечение.

– О, я понимаю, о чем ты говоришь, Бренда. Фанни немного ввела меня в курс дела: не болтать много, стараться держаться особняком или только с теми, кого я знаю и кому можно доверять.

Я поражена тому, что она это запомнила. Я говорила ей об этом несколько месяцев назад, когда стало ясно, что она точно поедет ко мне на Рождество. Я не ожидала, что она согласится, потому что я бы точно на такое не согласилась (кто в здравом уме согласится поехать отмечать праздник с другой семьей?) и провела бы этот праздник в кругу близких, но ее родители пытались дать отношениям второй шанс (насколько мне было известно, они были в стадии, когда оба хотели развестись), поэтому решили выбраться в Сан-Франциско. Надеюсь, что у них все будет в порядке, и они передумают касательно своего решения. Хлоя сильно переживает из-за этого, поэтому в моих планах сделать так, чтобы она отвлеклась и на пару дней забыла о своих проблемах.

Хлоя выдыхает с улыбкой и дополняет:

– Я буду вести себя достойно.

– Всем будет плевать, если ты будешь с нами, то есть с Вилланелле. Чуть позже приедут Лайм и Вин. Мы позаботимся о тебе, – мама с улыбкой встает со стула. – Я уверена, что тебе понравится наша маленькая вечеринка. Ну что, готова посмотреть свои апартаменты?

– С удовольствием!

– Ты уверена, что это платье хорошо подойдет для вечеринки? – спрашивает Хлоя, когда я стараюсь ровно подвести глаза карандашом.

Оглянувшись, я смотрю на ее консервативное платье темно-зеленого цвета. Оно приталенное, но немного расходится на бедрах.

– Да, ты выглядишь хорошо.

– Мне кажется, что я совсем не похожа на девушек из твоего общества, – жалуется она с тяжелым вздохом.

Я мягко смеюсь и качаю головой:

– Хлоя, прекрати. В моем обществе нет девушек, на которых можно было бы положиться. У байкеров есть лапочки, если ты понимаешь, о чем я. Шлюхи всегда выглядят так, чтобы их хотели. Это их работа.

Она садится на край постели, скрещивает лодыжки и спрашивает:

– У Тира нет девушки? Ну, постоянной.

– Вау, ты интересуешься моим братом? – подначиваю я, и она начинает краснеть.

– Нет. Я просто начала с него. У Лайма и Вина тоже никого нет?

– К сожалению, нет. Мы ждем, когда они остепенятся. Папа хочет быть уверенным в том, что ему есть на кого положиться. Тир говорит, что еще не готов для создания семьи. По большей части у байкеров нет семьи. Это странно, но многие неофициальные жены живут в других городах, потому что раньше были шлюхами и залетели от них.

– Ого! – восклицает она.

Это правда. У байкеров может и не быть семьи, потому что они слишком привязаны к клубу, к свободе, а также к долгу перед клубом и перед братьями. Однако папа считает, что железобетонный фундамент положения Президента должен опираться не столько на братьев, сколько на уравновешенное состояние внутри семьи.

Отца нельзя назвать добропорядочным семьянином, потому что мои братья росли практически без его влияния, но в трудные минуты он всегда был рядом с мамой, и они смогли сохранить свои отношения, несмотря на частые измены и недомолвки. Мама знала, что он никуда не уйдет, а временные помутнения и заигрывания со шлюхами – это то, чем могут гордиться байкеры (кстати говоря, не только они, но и многие мужчины хвастаются своими романтическими достижениями).

Я знаю несколько историй, в которых участвовала моя мама. Однажды она разбила нос шлюхе за то, что та показательно села на колени к моему отцу. Хотя это была обычная вечеринка в «Боб», где были и другие официальные и неофициальные жены байкеров. Мама была не рада тому, что ей пришлось публично выяснять отношения, но после этой истории папа вдруг понял, что рядом с ним женщина, которая защитит не только «свое», то есть семью, но и клуб. Подробностей истории я не знаю, но, по рассказам, было слишком эпично и красочно.

– Ага. У Марио есть дочь, Анна. Она родилась от шлюхи из Денвера, и Марио пришлось забрать ребенка, потому что мать Анны была прожженной наркоманкой и алкоголичкой. Повезло, что она ничего не употребляла в течение беременности и смогла выносить плод. Марио поклялся, что никогда не позволит Анне быть похожей на мать, поэтому его можно считать хорошим и даже, в каком-то роде, строгим отцом.

– Бедняжка Анна. Сколько ей лет?

– Четырнадцать. Она очень милая. Если вы как-нибудь встретитесь, она обязательно тебе понравится. Мы встречаемся с ней на редких семейных ужинах, куда приглашены только близкие. Скажу сразу, что она очень верная и тихая. Не такая, как ее мать или отец. Не знаю, в кого она пошла, но ее характер – роскошь, о которой многие мечтают. Податливая, немногословная и умная – вот что ценится в моем мире.

– Мне нравится байк у Лайма. Кажется, он сильно старается над ним.

– Если моих братьев нет дома, они в гараже. На самом деле, моя семья очень связана с сервисом и обслуживанием машин и байков, так что они знают в этом толк. Я тоже знаю, но совсем немного. Мне больше нравилось читать и что-то новое узнавать, а не проводить время под капотами.

Хлоя тихо посмеивается.

– Жаль, что я в семье одна. У тебя классные родители и братья. Не знаю, хотела ли бы я такое? Мои родители поженились в восемнадцать, и я – плод их большой любви, но после нескольких выкидышей мама решила заморозить яйцеклетки. Врач сказал, что в ее возрасте можно кого-то родить, но небезопасно из-за плохой свертываемости крови. Папа был очень расстроен и завел себе роман на стороне, а потом и мама поддалась легкомысленному увлечению мужчиной, который был младше ее на десять лет. Мне бы не хотелось иметь сводных братьев или сестер – это ведь полный развал в семье, хотя они еще не развелись. Сейчас они пытаются что-то вернуть, но у меня такое чувство, будто ничего не получится. Они пытаются ради меня, но я слишком взрослая, чтобы не понимать их.

Я быстро докрашиваю глаза и убираю косметику в сумочку. Поворачиваюсь к Хлое и хмурюсь:

– О чем ты говоришь?

Она тяжело вздыхает, и я вижу по ее лицу, что она знает намного больше, чем пытается сказать.

– Мои родители не уехали в Сан-Франциско, – тихо признается она.

Я ахаю, и она договаривает:

– Папа остался в Порт-Анджелесе вместе с любовницей, а мама укатила в Сиэтл к своему ухажеру.

Она усмехается.

– Откуда ты знаешь?

– Они должны были уехать еще вчера, но... Сегодня, перед тем как поехать к тебе, мне пришлось заехать в магазин, чтобы купить немного сладостей. Ты знаешь, что они спасают меня в период волнений. Я увидела в магазине папу вместе с молодой блондинкой. Они выбрали вино и фрукты.

– О, гребанный ад! Мне так жаль, Хлоя.

Я встаю со стула и подхожу к ней, сажусь рядом и кладу руку ей на ногу.

Она усмехается и качает головой:

– Они как-то неправильно пытаются сохранить свои отношения. Я не виню их за то, что они хотят быть счастливыми. Я в гневе от того, что они пытаются скрыть от меня, что давно не хотят быть друг с другом. Я была бы рада и счастлива за них, если бы они были честны со мной.

– Дерьмо.

– Да, именно так я и сказала, а потом спряталась за стеллажом, чтобы меня не заметили. Черт, папа был счастливым вместе с ней. Давненько не видела его таким.

– Может, они просто не хотят тебя расстраивать?

– К черту это! Я не собираюсь туда возвращаться до Нового Года. Я пообещала, что вернусь двадцать седьмого, но черт бы их побрал с таким отношением! Не хочу их видеть.

Я ее полностью понимаю и поддерживаю.

– Я не против, чтобы ты осталась со мной подольше. Мы могли бы отлично провести время! Тем более, Тир намерен соблазнить тебя, и я хочу на это посмотреть.

Ее потухшие глаза вмиг загораются, когда я упоминаю Тира, и я считаю, что это плохой знак.

– Но у тебя есть...

– Он меня бросил, – фыркает Хлоя.

– В смысле?

– Вот так, – она вздыхает и встает. – Этот мир жестоко несправедлив. Джош хотел затащить меня в постель, а я не хотела торопить события, но я не прочь покувыркаться с каким-нибудь байкером, сфоткаться, а потом отправить это Джошу и показать ему, что он потерял из-за своей лжи.

– Черт возьми, мы не виделись несколько дней. Что произошло в твоей жизни?

– Детка, я просто не хотела расстраивать тебя еще сильнее. Кажется, ты сильно переживала из-за приезда в Дэнвелл. Тут твоя любовь, с которой я, кстати говоря, еще не познакомилась, и мне не хотелось обременять тебя своими проблемами. Теперь ты знаешь, что в моей жизни все максимально хреново.

– Ты не увидишь Дарка. Он не собирается приходить на вечеринку, – тихо говорю, и мне становится горестно внутри.

– Почему? – искренне интересуется Хлоя.

– Это будет наш секрет, ладно? Один из тех, которые мы никому никогда не скажем.

Мы с Хлоей делаем наши коронные движения руками: хлопок, скрещивание пальцев, проводим пальцами по открытым ладоням, а потом сдуваем невидимые пылинки с рук. Это движение мы выучили в первую неделю знакомства, и это была наша коронная штучка, которая подтверждала, что мы никому ничего не расскажем.

Это значит, что мы доверяем друг другу.

– Ты знаешь, что я никому не расскажу. Мне просто-напросто некому это делать.

– Я знаю.

– Так что там случилось с Дарком?

– Двадцать лет назад умерла его мама.

– Что?..

Я набираю побольше воздуха в легкие, чтобы признаться в том, в чем отказывалась признаваться. Я никогда ни с кем не говорила об этом, а история, рассказанная мамой очень давно, как ответ на мой вопрос, почему Дарк не празднует с нами Рождество, заставила меня только сильнее влюбиться в него. Он был сильным и смелым, но совершенно одиноким, и я хотела помочь ему, но не знала как.

– Ее убили в Рождество.

– Дерьмо.

– Именно. Бо, это его отец, был в чартере Белведа, когда это случилось, и он не мог ничего сделать. Двадцать четвертого декабря в дом Бо ворвались какие-то неизвестные. Они были под чем-то, накуренные и пьяные. Дома был только маленький Дарк и беременная Мия.

– Иисусе... – выдыхает в ужасе Хлоя.

– Они... – я начинаю задыхаться, и она берет меня за руки. Глаза начинают слезиться. – Они изнасиловали Мию, а потом вспороли ей живот, – Хлоя вскрикивает после моих слов. – И это все было на глазах у маленького Дарка. Он спрятался за шторой, и его не было видно, но он все видел. Их было трое, и все они по кругу имели Мию. Она кричала и молила о смерти... Ее боль... Ее было так много. Как и крови.

– Я... Это просто... Просто дерьмо, – она сипит на грани истерики.

– И после того, как они сделали это с Мией, Дарк решил что-то сделать, но было слишком поздно. Один из них увидел маленького Дарка. И он... Он проткнул ему бок, рядом с сердцем.

Хлоя не сдерживает слез, как и я, но понимаю это слишком поздно. Тогда, когда слезы падают на мои колени.

– Дарк на адреналине побежал к нам. Вилли был в Белвелде вместе с Бо, поэтому... Поэтому туда пришла моя мама с Тиром. Они вызвали скорую, но Мия скончалась до их приезда. С тех пор Дарк ненавидит Рождество, потому что он помнит, что случилось в этот праздник.

– Господи Иисусе, – прошептала Хлоя, и я кивнула головой.

– Я спрашивала, собирается ли он прийти, но... Это было так глупо и опрометчиво с моей стороны, – я горько усмехаюсь. – Каждый год этот день он проводит в полном одиночестве. С тех пор, как он переехал от Бо, он сидит в своем доме у леса, на другой улице, два квартала от нас, и не высовывается до двадцать шестого декабря.

– Это не глупо, Фанни, – всхлипывает Хлоя. – Господи, мне действительно жаль, что все это произошло с ним. Он был ребенком, и он не заслужил этого. С тех пор он никогда не чувствовал себя счастливым в этот день.

– Да, и я... И мы всегда обменивались подарками после праздника. Я... Я знала, но всегда молчала. Все в городе знают, чей он ребенок и что случилось с его матерью.

– Я думаю, что он очень сильный, раз смог справиться с этим.

– Он очень сильный, – шепчу я, а у самой слезы только и скатываются. – Черт, моя под-
водка.

Хлоя осматривает мое лицо и слабо улыбается. Ее глаза были мокрыми, а щеки красными.

Мы вдруг обе посмеиваемся от наших ранимых душ.

– Может, тебе стоит навестить его?

– Я не могу оставить тебя одну, – качаю я головой, хотя в душе искренне хотела бы этого.

– Прекрати, – отмахивается она. – Уверена, что Тир за мной будет ходить по пятам весь вечер. Он собирается заехать за нами, не так ли?

– Да, если уже не приехал.

– Думаю, тебе стоит сходить к Дарку.

– Нет. Это глупо. Я никогда так не делала.

– Девочки! – кричит Тир, и мы обе вздрагиваем. – Выхо-о-одим! Пора ехать! Я хочу пива!

– Минуту! – кричу я в ответ.

– Если что, я помогу тебе сбежать с вечеринки. Возьми с собой подарок для Дарка.

Я смотрю на нее несколько секунд, но потом что-то замыкает во мне, и я делаю так, как она мне сказала.

Беру подарок для Дарка с собой.

Глава 9

ДЕЛАНИ

Я делаю глоток темного пива, когда в бар вваливается Тир, придерживая дверь для двух милых дам...

Гребаный Бог.

Сразу же за ним идет Фанни. Или порхает по воздуху. Я понятия не имею, но все взгляды прикованы к ней, и меня это чертовски бесит.

Ее прямые блондинистые волосы красиво обрамляют худое лицо. На ней косуха, какая-то футболка, неприлично короткая юбка и высокие сапоги. Она не была низкой, но все равно казалась стройной малышкой. Она всех приветствовала своей лучезарной улыбкой, придерживая рукой маленькую сумочку.

За ней вполне уверенно шагает брюнетка с высоким хвостом. Ее глаза похожи на лисьи, но меня это мало волнует. Я облизываю взглядом ее сочную фигуру, делая отметку, что она немного фигуристее Фанни. Это неважно.

Мне плевать на эту девушку, потому что я снова смотрю на Фанни. Наши взгляды встречаются, и по мне бегут мурашки. Ее открытый и чистый взгляд сканирует меня добрые несколько секунд, а розовые губы изгибаются в улыбке. Она приподнимает руку, приветствуя меня.

Я сдержанно киваю в ответ, а потом отворачиваюсь к бару, за которым стоит Плейс, наш Проспект.

– Дай мне еще пива, – требую, и он тут же подчиняется мне.

Хлопок по плечу не вызывает во мне ни малейшего страха.

– Плейс, пива, – просит Тир. – Черт, ты видел девчонку, что пришла с Фанни?

– Угу, – мычу я, присасываясь к почти пустой бутылке.

– Это Хлоя. Ее подруга из Сиэтла.

Я оборачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на девушку в темно-зеленом платье, а потом вспоминаю, что на снимке, который она мне присылала, была именно она.

– Ничего такая.

– Эй, это мой улов! – возмущенно говорит Тир.

– Мне она даром не нужна, чувак. Я ухожу через десять минут, – ровно через столько должно начаться застолье, организованное старушками.

– Ты мог бы остаться, – предлагает Тир. – Вилли разрешил Фанни прийти сегодня вечером, но побыть не очень долго. Ты знаешь, что скоро здесь начнется грязь.

Я знаю, о чем он говорит, и у меня вызывает небольшое удивление то, что Вилли позволил Фанни прийти на клубную вечеринку в «Боб». Это не в его стиле.

– Ты же не хочешь, чтобы я весь вечер играл в няньку твоей младшей сестры? – выгнув бровь, Тир злобно смотрит на меня.

– Нет. Для этого у нее есть еще два брата. Но вы дружите, и ты мог бы остаться.

– Какие у тебя планы на вечер или чего бы ты хотел от этой вечеринки?

Тир громко смеется.

– Та шатенка должна отсосать мне. Днем она проявила явное неуважение ко мне, и я готов сделать все, что угодно, чтобы поставить ее на колени.

Я еще раз смотрю на подругу Фанни. Они стоят возле стола с едой. Рядом с ними стоят два Проспекта, и у меня начинает сводить челюсти.

Да, такими темпами я уйду быстрее, чем за десять минут. Не хочу видеть, как к Фанни кто-то клеится. Это ее первый официальный выход, и мне бы не хотелось участвовать при том, как ее пытаются обработать для траха. Она уже не маленькая девочка, и ей не требуется защита.

Но черт возьми.

– Не уверен, что она сделает тебя счастливым, брат, – хлопаю его по плечу.

Плейс ставит два пива и молча уходит к другой стороне стойки.

Тир недовольно морщится.

– Я надеюсь, что ты на моей стороне, а не на девчачьей. Вообще, я предлагаю тебе маленькую сделку. Фанни вряд ли захочет оставаться здесь долго. Ты знаешь, что она не фанатка всего этого, а совсем скоро здесь начнется месиво, и она захочет домой. В моих силах сделать все, чтобы задержать ее подругу, а в твоих – чтобы отвлечь Фанни.

Я выгибаю бровь:

– Ты, черт подери, с ума сошел? Я не клоун для твоей сестры. Отвали, окей? Я собираюсь пойти домой и лечь спать, говнюк, – хлопаю его по плечу. – До завтра. Хочу поскорее оказаться в завтрашнем дне, чтобы услышать историю о твоих ушибленных яйцах.

– О чем ты?

– О том, что та шатенка скорее двинет тебе по яйцам, чем отсосет.

– Черт, ты такой хрен. Ладно, я не буду тебя заставлять это делать, но у Лайма и Вина есть свои планы. Ты...

– Тир, – голос, заставивший его замолчать, привлек мое внимание.

Мы оба оборачиваемся и видим подругу Фанни. Мой взгляд осматривает бар, и я не нахожу малышку.

– Хлоя, какой сюрприз, – цедит Тир сквозь зубы.

– Ага. Фанни пришлось отойти, – ее шальной голубой взгляд скользит ко мне, будто она пытается передать свои мысли. – Ей позвонил один парень из Сиэтла.

Напрягаюсь одновременно с Тиром. Он становится хмурым, а я просто пью свое долбаное пиво. Моя рука так сильно сжимает бутылку, что пальцы белеют, но никто этого не замечает.

– У Фанни есть парень в Сиэтле?

– Эм? – Хлоя испуганно смотрит на Тира. – Вроде того. Мэтт. Его зовут Мэтт, и он ухаживает за ней некоторое время. Думаю, он позвонил, чтобы поздравить ее. Она скоро вернется. Попросила, чтобы я постояла с тобой. Она пообещала, что я буду в безопасности.

Я вижу, как Хлоя облизывает Тира взглядом, и мне становится тошно, но больше всего меня беспокоят слова о том, что у Фанни был парень в Сиэтле по имени Мэтт. Уверен, если бы Тир не был очарован Хлоей или идеей минета от нее, он бы понял, что она говорила. Кажется, его глаза были сосредоточены на ее шикарном декольте, а не на мысли, что у Фанни кто-то был.

– Конечно, детка. Пиво?

– Почему бы и нет.

– Плейс, еще одно для дамы.

Я ставлю пустую бутылку на стол.

– Давай, я погнался, – говорю я Тиру.

Мы быстро схватываемся в рукопожатии.

– Ты уже уходишь? – взгляд Хлои становится напряженным.

– Да, – я киваю и стремительно ухожу из бара.

Мэтт. Какой-то гребаный Мэтт лишил ее девственности? Неужели Фанни действительно на такое пошла? Сказать, что я немного в шоке – не сказать ничего. Хотел бы я посмотреть на этого засранца.

Я подхожу к грузовику, на котором приехал в бар. Мне нужно было подвезти некоторых ребят из клуба, которые поставили свои байки в гараж на ночь, чтобы не отказывать себе в выпивке. Многие из них уже не такие экстремалы, как раньше, поэтому беспокоятся о сохранности своих зверей.

Я оборачиваюсь на бар и вижу, что сбоку стоит Фанни, разговаривая с кем-то по телефону. Она не видит меня, но мне удастся разглядеть ее улыбку. Напрягаюсь всем телом, потому что хочу узнать, с кем она разговаривает.

Напоминаю себе, что меня это не волнует, залезаю в грузовик и срываюсь с места. К черту это все. Фанни уже взрослая девочка и должна думать о том, что делает. Меня это ни черта не волнует.

Ни. Черта. Не. Волнует.

Сидя дома перед телевизором, я, как и всегда, чувствую себя одиноко. Рядом лежит Руф. Пес чувствует мое состояние души, потому что мы лучшие друзья уже пять лет. Между нами тонкая нить душевной связи. Никогда не думал, что это возможно, но это случилось.

Я ненавижу Рождество и все, что связано с праздниками. Это пошло с детства, но преследует меня всю жизнь. Вспоминая, что мне пришлось пережить двадцать лет назад, я понимаю, что глупо заикливаться на прошлом, но невозможно отпустить то, что случилось с ребенком.

Тогда мне было пять. Я только-только отпраздновал свое пятилетие и на свой день рождения получил подарок от отца – кожаную куртку. Я был чертовски довольным, потому что это был маленький косплей на Бо, моего старика. Я чувствовал себя таким же крутым с мнимыми нашивками. Тогда он сказал, что мне безумно она идет и я буду самым крутым в школе, что было правдой. Многие парни завидовали мне, потому что они ходили в обычных куртках, а я был в косухе с нашивками. Да, они были детскими и не несли смысловой нагрузки, но мне нравилось этим хвастаться. Многие говорили, что я чрезмерно хвастливый, но мне было глупо плевать на их гребаное мнение.

Бо уехал в Белвед на разборки с ирландцами. Кажется, тогда назревали большие проблемы, грозящие переменами для Сынов Дьявола. Мама была на седьмом месяце беременности. Маленькая Лия, не родившаяся из-за больных ублюдков, активно пиналась в животе, и я часто прикладывал руку к животу, чтобы установить связь с младшей сестрой.

Бренда приглашала нас к себе на Рождество. Она собирала всех жен байкеров, потому что практически все мужчины уехали в Белвед из-за возникших трудностей. Мама сказала, что мы останемся дома, потому что нам ничего не грозило, но в последний момент передумала

и попросила меня собрать рюкзак с вещами, потому что до утра останется в доме Вилли и Бренды.

Я убежал вверх в свою комнату, чтобы сложить пижаму и щетку. Наспех одеваясь и думая, что я вот-вот увижусь с Тиром и маленьким Вином, я почувствовал прилив радости. Я был чертовски счастлив, что Рождество пройдет с моим другом. Мы бы разбирали подарки, много ели сладостей и ночевали вместе, рассуждая, что станем такими же сильными и отважными, как наши отцы. Я был ребенком, и мне хотелось быть похожим на своего отца.

Я только спустился вниз, когда мама сидела на диване. Она была полностью собрана, когда в дверь постучали. Она попросила меня остаться в гостиной, а сама пошла открывать. Я отложил рюкзак в сторону, плюхнулся в кресло и... Я слышал скрип открывшейся двери, слышал чьи-то незнакомые голоса и резкий вскрик мамы. Я знал, что нужно было делать, и я сделал так, как меня научили.

Двадцать лет назад

Двадцать четвертое декабря, канун Рождества

Стук в дверь привлек мое внимание. Я поворачиваю голову.

– Черт подери, – ругается она.

Мама неохотно поднимается с дивана, а я держу в руках рюкзак, готовый сорваться с места.

– Подожди пару минут, сынок. Наверное, это тетя Дудси.

Дудси пожилая женщина. Мне нравится ее называть «ба Дудси», но она утверждает, что еще слишком молода для «ба». Она наша соседка, и каждую субботу приносит нам ягодный пирог. Это мой любимый пирог. В Сочельник она приносит нам немного риса с запеченной рыбой. Дудси говорила, что приготовит это для меня, потому что я люблю рыбу. Мама ее готовит не очень хорошо, а вот Дудси получается классно.

Я делаю так, как просила мама: остаюсь в гостиной. Бросаю рюкзак к креслу и плюхаюсь в него сам, будто камень. Беременность мамы протекает не очень хорошо, но мне ничего непонятно. Единственное, что я знаю: ей нельзя нервничать и много передвигаться, поэтому, пока она идет к дверям, я напряженно наблюдаю за ней. Не люблю, когда она много трудится.

– Вы кто такие? – голос мамы поднимается на пару тонов, и я чувствую в ее голосе тревогу.

Мне это не нравится.

– Закрой рот, сука, – говорит кто-то.

Мое сердце начинает колотиться, как бешеное, и я резко вскакиваю с кресла, чтобы пойти и узнать, что там происходит.

Слышу топот. Их несколько.

Вскрик мамы.

Я резко подрываюсь с места и бегу в угол гостиной. Зарываюсь в нераскрытую штору и слышу еще один вскрик мамы.

Я должен ей помочь, но обещал, что в случае чего сразу же спрячусь.

Мне нужно выйти, чтобы помочь ей!

– А ты ничего такая.

– Заткнись, – рычит мама, и я едва узнаю ее тон.

Еще топот, а потом резкий бац, похожий на удар. Я еле держусь. Меня трясет. Отодвигаю штору, выглядываю и вижу, как один мужик держит мою маму за волосы, а второй осматривает полки.

– Гребаный черт, да это потаскуха беременна, – говорит третий, подходя к моей маме со спины.

– Вы даже не представляете, что с вами будет, если вы причините мне боль, – тихо говорит мама.

– Ты что, вздумала нам угрожать?

– Вас сожрут с потрохами, если вы сейчас же не покинете мой дом. Отпустите меня. Немедленно.

Злые смешки.

– Вот шлюха.

Голос мамы остается напряженным, несмотря на то что ее держат в заложниках. Я понимаю, что ее удерживают насильно, потому что ее голова сильно запрокинута, а руки сзади захвачены другим человеком.

Я должен помочь, но что я могу сделать? Мне пять, и я слишком мал и слаб, чтобы противостоять трем взрослым мужчинам. Кажется, они слишком сильны.

Все происходит быстро, и я вижу одним глазом, но мне все прекрасно видно. Наилучший обзор.

И в этот момент мужчина, держа ее за волосы, резко бьет ее ладонью по лицу наотмашь. Мама вскрикивает, ругается и заходится в дрожи. Тот, что стоит сзади и держит ее руки, бьет по ее спине. Она выгибается в другую сторону, и я слышу ее адские крики боли и мучений.

Третий продолжает изучать полки.

– У нее есть мужик.

– Где твой принц в сияющих доспехах, коза?

– Если... Если вам... Нужны... Деньги...

Снова пощечина. Хлесткая. Я зажмуриваюсь. Мне страшно. Что они делают? Почему они так поступают с моей мамой? Что она им сделала?

Из моих глаз начинаю бежать слезы, когда третий мужик вдруг резко перестает пялиться на полки и подходит к ней. Он начинает расстегивать ее пальто, под которым...

– О, она беременна еще одним уродом. Будет такая же шлюха? Мы не можем этого допустить.

Я крепко цепляюсь за штору, перед глазами все плывет, но я вижу... Вижу, как они начинают бить маму все сильнее и сильнее. Они валят ее на диван, нависают сверху. Диван стоит так, что я вижу, что на нем происходит. Они срывают с мамы колготки, рвут прямо на ней, а потом...

Она орет во все горло, от чего у меня закладывает уши, и я закрываю их руками. Меня трясет сильнее, чем когда-либо. Я никогда так не боялся за маму, за сестру, за себя, как сейчас.

Вытираю сопли и слюни, выглядываю из-за шторы. Я вижу, как один из них спускает штаны. Он трогает себя, а потом склоняется над мамой со словами:

– Я слышал, что беременным можно трахаться. Ты же не против? Хотя, конечно, ты не против. Ты же обычная шлюха.

Его бедра двигаются. Резко. Крик мамы отражается во мне. Я готов закричать сам, но не могу этого сделать. Меня будто парализовало. Я просто смотрю на это.

И вдруг...

Я понимаю, что то, что они делают – это... Насилие. Я знаю, что это такое, потому что мой папа часто об этом говорит. Он готовит меня к взрослой жизни, хотя мне всего пять.

Мужик двигается, и я вижу, что происходит. Мама захлебывается в слезах, она просит остановиться его, но он не слышит. Он входит и выходит из нее, трогает ее живот, давит на него, отчего она кричит, как резаная.

Другой мужик берет что-то в руки и засовывает ей в рот.

– Перестань кричать, детка. Тебе это не поможет.

Я будто в другом мире и наблюдаю за всем со стороны. Вижу, как мужик, входящий в мою маму, ускоряется. Мама громко мычит, пытается схватиться за что-то, ударить его или сбросить с себя – я не понимаю, что она делает, но это не работает, потому что ее руки тут же оказываются в жестком захвате другого.

Мужик издает протяжный стон, а мама будто перестает дышать. И я понимаю почему... К ней подходит второй, оголяет свой маленький пенис, потом склоняется и пристраивается, начиная жестко насиловать.

Я смотрю на это, пораженный и парализованный. У меня отказывают руки и ноги. Не могу двигаться. Сажусь на колени за шторой, пытаюсь сдержать крики и вопли. Подглядываю из-за шторы.

Мама не пытается сопротивляться. Не знаю, почему, но ее тело обмякает, и я понимаю, что она, возможно...

Hem. Hem. Hem.

– Да, сука, да, – хрипит второй.

Он продолжает двигаться между раздвинутых ног мамы.

Он насилует ее дольше первого, а потом издает высокий стон, похожий на писк, и отползает в сторону.

Затем идет третий. Он приспускает штаны, также пристраивается. Замечаю в его руке нож.

Боже.

Что он собирается сделать?

Он начинает насиловать ее еще жестче, чем предыдущие. Она хрипит и стонет, но тряпка, затыкающая ей рот, не дает ей кричать. Я в агонии, не знаю, что делать.

Когда он заносит руку с ножом, я думаю, что это конец. Мой конец. Я умираю. Да? Почему тогда мне так больно?

– Покричи для меня, шлюха.

Второй мужик вынимает из ее рта тряпку.

– Ублю... – начинает мама.

– Эй... – начинает кто-то. Первый или второй – понять не могу, потому что все, что я вижу это... Ад, разворачивающийся передо мной.

Она взвизгивает, как раненное животное, когда мужик резко, с остервенением и несвойственной человеку жестокостью, опускает нож и режет ее живот.

HEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEET!

Я резко вскакиваю на ноги, не желая верить в произошедшее. Цепляюсь за штору, чтобы не потерять равновесие. Меня трясет. Не могу успокоиться.

Его задница двигается вместе с рукой.

Он насилует и режет мою маму. Она орет и ревет.

Я вижу кровь. Ее много. Мама вся в крови и этот подонок – все в крови.

Он рычит, а потом резко выходит из нее, продолжая разрезать живот.

– Надеюсь, ты сдохнешь, тварь.

— Чтоб ты сдох! — ору я, когда он плюет на мою мать.

Он резко поворачивается, и в этот момент я влетаю в него. В его руку с ножом.

Боль пронзает меня...

Я чувствую, как начинает печь в области бока, где бешено колотится сердце. Поднимаю на него взгляд.

Глаза мужика расширяются, будто он пришел в себя. Белый шрам, протянувшийся от виска до рта, искривляется, потому что он хмурится и сжимает челюсти. Не ожидал увидеть ребенка?

Он резко делает шаг назад, и я опускаю голову вниз. Моя синяя кофта пропиталась кровью, а с его острого клинка капает алая капля.

В глаза мутнеет, и я не могу удержаться на ногах. Прикладываю руку к боку.

Адски больно.

Он толкает меня в плечо, и я валюсь на задницу рядом с диваном.

– Уэс, – кто-то зовет его, но у меня все кружится, и я ничего не могу разобрать.

Топот ног. Я вижу лишь черные ботинки.

– Гребаный Бог, что ты наделал?

Мои глаза слипаются. Мне так сильно больно, что я не могу сдержать слез. Почему... Почему так больно? Я умираю? Все темнеет.

– Я... Я не видел его!

Второй начинает злиться. Он теряет терпение.

– Это... Ты кусок дерьма. Убираемся отсюда. Быстро. Мы сделали то, что должны были. Идем. Ну же.

Топот. Топот. Топот. Скрип половиц.

Проходит несколько минут прежде, чем я понимаю, что мне нужно что-то сделать, чтобы помочь маме. Я встаю, преодолевая боль. Я кричу во все горло, когда тяну левую руку. Он попал в сердце? Не может быть. Такое ощущение, что его нож вошел не слишком глубоко, но здорово порезал меня.

– Мам, – хриплю я, но она не отвечает.

Я встаю со слезами и болезненным вскриком. Смотрю на нее. Трогаю за ногу, но она не шевелится.

– Мам! – кричу сильнее и громче, надрывая горло. Мне больно. Везде.

– Мама! – я трясусь ее окровавленную ногу.

А потом... Смотрю на ее живот. Он весь в крови. И мне кажется, что от туда что-то торчит...

– Лия?!

Я тут же открываю рот, и меня тошнит. Много. Вода с желчью выходят на ковер, и я издаю отвратительные звуки, от которых тошнит еще сильнее. Не могу сдержать свой порыв, когда понимаю, что из живота мамы торчат органы или даже моя сестра.

Нет. Нет. Нет.

Я должен ей помочь. Должен. Я клялся оберегать ее.

Я вытираю рот рукой, резко встаю и качаюсь на ногах. Мне очень больно. Из меня сочится кровь, и вся кофта пропиталась ею.

Делаю шаг вперед.

– Мам, пожалуйста... Я сейчас... Сейчас...

Не думаю о боли в боку. Не думаю о том, что мне может стать по дороге плохо. Я трогаю маму за ногу, потом за руку и мягко целую в лоб. Она лежит с закрытыми глазами и приоткрытыми губами. Я не чувствую ее дыхания.

– Мама, не спи, пожалуйста, – я целую ее в щеку, и ее голова дергается, но понимаю, что это от меня, когда я боднул ее лбом.

– Я сейчас... Сейчас...

Я смахиваю слезы, целую ее еще раз в лоб, в щеку и в руку, а потом убегая из дома к дому Бренды. Она ведь поможет, да? Она сможет маме и Тае помочь?

Я реву, словно девчонка, пока бегу к ним. Мы живем недалеко – через четыре дома. Несусь на всех порах. От холода не чувствую боли и ног. Легкие вот-вот треснут.

Я взлетаю по лесткам, дергаю ручку и влетаю в их дом с бешеным криком:

– Бренда!

Никто не отвечает несколько секунд, а потом слышу шаги. Я больше не могу идти. Мои силы кончаются, но я должен... Должен позвать на помощь.

– Бренда! Пожалуйста!

Мой голос отчаянный. В нем горечь и мольба.

Она выходит из гостиной. За ней бежит Терренс, одетый в рубашку и штаны. Они готовы отмечать Рождество. А я нет...

Их лица встревожены. В глазах ужас и страх.

– Делани? – она резко подходит и садится на корточки.

А я, всхлипнув, с надрывом шепчу:

– Помоги моей маме, пожалуйста.

Глава 10

ДЕЛАНИ

Стук во входную дверь вырывает меня из воспоминаний. Тогда я мало что понимал, но отчетливо помнил, что потом мы с Брендой побежали к нам домой. Мама уже умерла, но мы все равно вызвали скорую, которая констатировала ее смерть. Она умерла в канун Рождества, и с тех пор я ненавижу этот день и праздник.

Руф поднимает морду и шевелит носом, а потом опускается обратно, и я понимаю, что пришел свой человек. Нехотя поднимаюсь с дивана и иду к дверям. Обычно, ко мне не стучат. Мои двери всегда открыты, так что это что-то новенькое. У меня закрадываются мысли, что это может быть кто-то знакомый, у кого есть чувство такта.

Открыв дверь, я не отпускаю створку, а с притворным удивлением спрашиваю:

– Принцесса?

Фанни стоит на пороге моего дома с извиняющейся улыбкой. Ее щеки покраснелись, а волосы немного потрепались. В зеленых глазах – тайный блеск, дающий намек, что она, может быть, немного выпила пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.